

Юлия Андреева
Ближнее море

Юлия Андреева
Ближнее море
Серия «От вчера до завтра», книга 2

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638235

*Юлия Андреева. Ближнее море: Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга; СПб; 2011
ISBN 978-5-4311-0009-3*

Аннотация

«Ближнее море» – вторая книга «мемуарного» цикла известной петербургской писательницы Юлии Андреевой. Но если первая, «Многоточие сборки», была посвящена только тем людям и событиям, которые имели место в подлинном, земном Ленинграде-Петербурге, то вторая населена гораздо более густо и неожиданно: наряду с живыми персонажами, в ней существуют и «вечно живые», и полностью вымышленные, и те, которые, быть может, придут в этот мир столетием-другим позже.

Содержание

Букетик тюльпанов	5
Два мира, сотканные в дождь	8
Нехватка радуг	9
Куда течет река?	10
Утонувшая гейша	11
Трещина	13
Тяжело	14
Ирина Малярова	15
Голубая	18
Призвание	19
Долги	20
Оценили	21
Рейн – исправленная надпись	22
Горлит, или А судьбы кто?	23
Гость из бездны	25
Мокутеки – цель	26
Меч	27
За потенцию	28
Крест	29
Толкин или Толкиен	30
Нина Чудинова и ее встречи с Анной Ахматовой	31
Безвозвратные потери	33
Последний кусочек колбасы	34
Будка Ахматовой	37
Ваш портрет	38
Забастовка домашних вещей	39
Как приходит слава	40
Зеленая вода	42
Почему не любят журналистов?	44
Распродажи	45
Портрет вдовы Татлина	46
Тринадцать фактов о Лиле Брик	48
Мертвые или вечно живые	52
На крыльях гарпии	54
Крученых	55
Грустный-грустный и веселый-веселый	57
Весеннее настроение	58
Баночка	59
В тульском парке	60
Коврики на конах	62
Без компромиссов	63
Раз – и...	64
Блуждающий ресторан	65
Иней	66
Об известности	67
Лирическое наступление 1	68

После бала	69
Грустное	70
Кто печет блины	71
Парк Юрского периода	72
Правило левой руки	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Юлия Андреева

Ближнее море

Всякий человек погружён в море из человеков.

«Ближнее море».

Борис Останин.

Букетик тюльпанов

На футболке Иры Маленькой красовалась надпись: «Женщины – они как дети». Почему собственно как?

Однажды, когда я была, наверное, в классе третьем, я провалилась в кроличью нору, реально во сне. Дыра под деревом, ветви которого терялись за облаками, а корни... Я подумала о корнях, заглянула в яму и... Должно быть, перед сном дедушка читал мне «Алису в Стране чудес», хотя мир, в который я попала, разительным образом отличался от мира Кэрролла. С тех пор я старалась, как можно чаще наведываться в волшебную страну, скользя сквозь лаз под корнями мирового дерева.

Мы едем с бабушкой в трамвае. Весна, жарко, и народу набилось тьма. Тьма, а мне хочется света – света и солнца, хочется добраться наконец до места и погулять. А вместо этого приходится стоять, смотря снизу вверх на бесцеремонно толкающих меня людей. Я бы могла, наверное, вообразить кроличью нору, или замок, красивый такой замок, в который начала летать с недавнего времени, могла бы скользнуть в страну моей мечты, но... В руках букетик нежных тюльпанов – в каждом бутоне тайна. Тюльпанов семь – волшебное число, четыре из них красные и три желтые. Когда трамвай поворачивает и я оказываюсь на солнышке, цветы раскрываются и я вижу зеленоватый пестик и черную шелковую сердцевину с золотыми лучиками. Когда мы попадаем в полосу тени, цветы закрываются. – Это настоящее чудо!

– Если ты будешь держать их на солнце, тюльпаны скоро завянут, – строго выговаривает мне бабушка. Да я и сама рада спрятать цветы, но куда в такой давке?

Спрятать цветы, я тоже с удовольствием бы спряталась, ушла в прохладные чашечки цветов, превратившись в Дюймовочку, я бы...

Очень устали ноги, я притоптываю на месте, ехать еще долго, трамвай все время петляет, толкотня, давка, солнце – тень, солнце – тень... бутоны то открываются, то вновь закрываются, пряча свою тайну.

Если бы я была старенькой-старенькой старушкой, мне бы уступили место, вот там у окна. Надо научиться по желанию изменять возраст, решаю я. Вошла в троллейбус или еще лучше загородный автобус – и раз, мне лет сто. Меня проводят в салон, усаживают в тенечке. Посидела, переждала нудный переезд, оказалась на улице, «спасибо, милые», отошла в сторону, раз – и снова девочка.

Каждому человеку дано определенное количество лет жить ребенком, подростком, юношей, взрослым человеком, стариком. А вот если научиться расходовать это время самостоятельно. Мне ведь не постоянно нужно быть девочкой или девушкой. Ходить в магазин, заниматься скучной уборкой по дому можно и престарелой. То есть скучные занятия проводить, будучи старушкой, избывая день за днем свою неизбежную старость, пока она не закончится, как микстура в аптечном пузырьке.

Тюльпаны в руках кивают мне, и тут я понимаю: достаточно попросить их исполнить желание, и тогда... Ощущение чуда делается почти невыносимым. «Лети, лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг». Сейчас можно всё, решительно всё, и «мир во всем мире», и «долго и счастливо», и вечную жизнь... «Лети, лети, лепесток»...

Нет уж. Я не собираюсь рвать прекрасные лепестки. Лучше, как герой какого-то мультика мотылек, – перецелую их все до одного, и тогда сказка не закончится уже никогда.

Дома, в Аничковом дворце, на прогулках по городу я вижу себя маленькой девочкой вроде Суок из «Трех толстяков» Юрия Олеши. Девочкой, проникшей в незнакомый ей мир, и тогда город преобразается, открываясь передо мной, словно букет тюльпанов, лепестки которых я перецеловала, не желая уничтожить кратковременную красоту ради пожизненного счастья.

Я брожу по улицам родного города, которые открываются для меня всегда по-разному, стараясь показать что-нибудь красивое, подсунуть, как добрая сказочная бабушка, бублик или конфетку, неожиданный подарок. И еще я путешествую по улицам Петербурга волшебного, что смотрит на нас с глади воды в каналах, я брожу по ним, постоянно меняя свой возраст. Я очарованный, навсегда пойманный магией этого города странник, я ветхая носимая ветром старушка, ищущая своего суженого прекрасная принцесса, крошечная, беззащитная девочка, попавшая в незнакомый ей чудесный мир.

* * *

Ночь. Сажу за компьютером, рядом в своей кроватке спит дочка Динька. А ведь я запросто могу сделаться ее ровесницей, хотя Диана – девица серьезная, ее такой переход, пожалуй, не порадует. Ей нравится во мне другое – например, возможность оказаться в сказке.

Наверное, если бы я была Дианой, а она мной, я бы поведала, что у мамы есть дверца в другой мир. Я бы сказала, потому что я люблю и умею рассказывать, но Динька молчит, это тайна.

* * *

Жил-был прекрасный принц, который однажды поссорился со злой ведьмой, и та прокляла его вечным дождем. С тех пор за принцем ходила туча, которая безжалостно поливала его.

Дело происходит в ванной комнате. Рассказывая историю, я щедро лью на голову Дианы воду из душа.

– А я направо, – Динька делает резкий рывок в выбранном направлении, но моя туча-душ не отстает. – Тогда налево. – Тот же результат. – А принц забежит в парадную.

– Подумаешь, туча влетит за ним, и дождь не закончится.

– А он спрячется во дворец, заберется в спальню и ляжет в постель. – Она встает на четвереньки, закрывает голову ладошками-домиком.

– Бесполезно, – моя туча неумолима.

Диньке почему-то очень нравится играть в ванной в принца, над которым всегда будет идти дождь.

После купания она ложится в кровать, скоро засыпает, я привычно барабаню по клавишам, и вдруг – бульк, бульк... Подскакиваю к кроватке, – во сне она делает движения гребца, и я понимаю, что дождь обратился в ливень и начался вселенский потоп.

Что же я наделала?..

Я пытаюсь растолкать дочку, но она вдруг начинает увеличиваться в размерах, обращаясь в гору.

Нужно срочно вспомнить что-то такое, что отменит тучи, остановит катастрофу. Что-то, что несет в себе магию, а значит содержит гены реального и фэнтезийного миров, полукровки живучи.

Внезапно Динька открывает серые, цвета осенней питерской воды глаза, я явственно слышу шелест воды. В нас обеих идет дождь...

Два мира, сотканные в дождь

Они шли вдвоем, но каждый в своем мире. Дождь сменялся ливнем, ливень редел. Небо обманчиво выставляло голубоватую прореху, чтобы снова и снова стыдливо затягивать ее пухлыми тучами. Мужчина шел чуть впереди, завернутая в черное пончо женщина – за ним. Совершенно одни в пронизанном дождем парке, рядом с сонным, равнодушным ко всему ручьем, они шли слишком быстро для обычной прогулки.

Когда удавалось выбрать тропинку пошире, они оказывались рядом, соприкасаясь краями одежды или осторожными пальцами, он – якобы чтобы поддержать, она – делая вид, будто боится упасть.

Добравшись до мирно беседующих о чем-то своем на берегу ручья длинноволосых ив, женщина привалилась спиной к мокрому стволу дерева, превратившись в Луизу де Лавальер, а мужчина, прикрыв ее от усиливающегося дождя, на несколько минут сделался Людовиком XIV. Впрочем, на этом сходство и закончилось, и, чуть передохнув, они снова нырнули в дождь.

То молча, то перебрасываясь ничего не значащими словами, бережно – дождинка к дождинке – путники откладывали впечатления, слагая две не связанные между собой поэмы.

Вдруг мужчина резко повернулся на месте и, задав отвлекающий вопрос, попытался засунуть себе за пазуху сам дождь. Но женщина тут же ухватила за тучу и потянула мокрое беспросветье на себя, так что серая ткань тут же лопнула в нескольких местах.

Дождь моментально прекратился, едва люди утратили к нему интерес, и лишь деревья то и дело роняли на землю сверкающие капли, в каждой из которых можно было угадать образы двух только что созданных миров.

* * *

Я писатель. А это значит, что в горе и радости, в богатстве и бедности, в здравии и болезни я занимаюсь своим любимым и единственным делом. Я сочиняю, перемещаясь по свежим, только что придуманным мирам – придуманным или найденным во время прогулок по Муринскому ручью или Невскому проспекту; пишу, то и дело соприкасаясь с мирами других людей, живых или умерших. Ничто никуда не уходит... не исчезает. «Весьма вероятно наступление невероятного» (Агафон).

На пальце королевы Елизаветы перстень государственной власти, обручальное кольцо с родной Англией, знак неразрушимых уз. Передо мной кольцо сонетов «На Петропавловской игле». Моя жизнь тоже связана нерасторжимыми узами...

Были арки над головой, и белые лепестки вишни летели снегопадом. Я обвенчана в дивном сне длиною в жизнь, под колокольным звоном и сияющими небесами... обвенчана с ним...

Нехватка радуг

Завели мы в онлайн себе фермы с животными и огороды с грядками, на грядках произрастают виртуальные овощи и фрукты. Живем, водичку в поилки подливаем, корм покупаем, на красивые домики любимемся, ибо до покупки настоящего дома как до звезд. Мечтаем. И тут – случится же такое – влюбилась я в один дивный по красоте декор. Лунная ночь, озеро новорожденными звездочками посверкивает, изумрудные берега, точно дно морское, и черные силуэты пальм – словно руки с загребущими пальцами к темному небу тянутся. Красотища!

Копила игровые деньги с месяц, а когда настал срок последнюю курицу продать и дивный пейзаж выкупить, глядь-поглядь – нет моих виртуальных сбережений. Ну, то есть совсем нет.

Животные по двору бродят, все вроде как в неприкосновенности, а над фермой три здоровенные радуги спины выгнули. Что за напасть?!

Призываю к ответу Диньку. Где, спрашиваю, мои денежки зелененькие да желтенькие, непосильным трудом заработанные, не одну мышку извела, зверей редкостных выращивая, пальчики себе о клавиши поотбивала. Где мои честные плеймани?

Потупилась дочка и любимую пластинку завела: мол, я – не я; не нарочно, а так получилось. И, наконец, с силами собралась, поднатужилась и: на твоей ферме катастрофически не хватало радуг!

Вот!

Сижу за компом, злобиться не злоблюсь, думаю, а в голове – стихотворение Сашки Смира:

Вдруг такой недуг – острая нехватка радуг.
А это мой кристалл свет преломлять устал.

Куда течет река?

Работая над кольцом сонетов «На Петропавловской игле» – именно кольцом из четырнадцати соединенных между собой и закольцованных сонетов, гладким обручальным кольцом, а не венком, – понадобилось мне выяснить, в какую сторону течет вода в канале Грибоедова: ну, от Казанского к Спасу на Крови или наоборот?

Позвонила Виктору Беньковскому, благо он как раз в тех краях живет. Не знает ответа Виктор. Глянул в Интернет – молчит вселенская паутина. Что делать?

А мне ответ до зарезу нужен.

– Вот что, – наконец не выдерживаю я неизвестности, – сходи, пожалуйста, на канал, плюнь в воду и погляди, в какую сторону плевок поплывет.

– Хорошо, – ответил Виктор и на набережную побрел. Дороги ему – дворик пересечь да через дорогу перейти.

Час прошел, полтора. Не звонит Беньковский. Жену его тормошу: куда благоверный подевался? Нет его. Словно в воду канул.

К ночи звонит. Добрался до дома сильно пьяный и дюже от научных изысканий уставший.

– Как и было условлено, я сходил на канал и плюнул в воду. Вода стоит, чуть ли не зеркальная, мельчайшая рябь на ней колышется. Плевок мой тоже стоит. Полчаса, сорок минут – ни с места. Народ праздный тоже стал присоединяться, на диво дивное пляться. Кто-то пива припер, чтобы не так скучно было гидрологическое изыскание проводить. Так, почитай, до ночи ждали, когда плевок хоть в какую-то сторону сдвинется. Не дождались.

Утонувшая гейша

В одной из классических японских пьес гейша, расставшись со своим возлюбленным, бросается в воду. Сюжет не нов: утонула и героиня Карамзина бедная Лиза, и плывущая в белых лилиях шекспировская Офелия, Екатерина из «Грозы» Островского, и Маргарита из «Фауста» Гете.

Подвенечное платье невесты, такое белое и воздушное, напоминает прекрасного лебедя. Образ лебедя неразлучен с водой, очаровывала утопленница Ипполита (Поля) Делароша¹.

– Кто эта девушка? Почему ее связали? – спрашивала я маму.

– Она ведьма, которую бросили в пруд во время водной пробы, – объясняла та. – Подозреваемых в колдовстве связывали, кидали в воду и смотрели, всплывут или нет. Если сразу поднимались на поверхность – виновны. Если нет – их вытаскивали и старались откачать.

Я смотрела на утопленницу. Эта ведь явно не из всплывших. Тогда почему? За что? Вопросы не находили ответов, а образ юной, прекрасной и мертвой девушки завораживал...

Из всех утопленниц мне больше всего нравилась Офелия – героиня, которую удалось сыграть на сцене. Хотя Офелия не рядовая утопленница, красиво плывущая по течению кукла, не связанная ведьма; Офелия плыла и пела, в цветах, венках, в развивающемся длинном платье... Офелия плыла по волнам своего сна, волнам поэзии и красоты. Возможно, последнее, что она видела, были белые лепестки лилий.

Почему лотос или лилия считаются символами чистоты? Дело в том, что лепестки этих цветов снабжены специальным воском, не позволяющим каплям задерживаться на поверхности. Лепестки розового или белоснежного лотоса всегда остаются чистыми.

Но я об утопленнице. Завораживала причина смерти молодой и привлекательной девушки – любовь или, скорее, невозможность жить без любви, простить и принять предательство близкого человека.

Но вот однажды – мне тогда было лет двенадцать – я увидела настоящую утопленницу. Девушку, которая еще совсем недавно казалась идеалом красоты и женственности. Девушку, гуляющую по лесам, прижимая к груди томик стихов и с такой грацией склоняя голову на плечо своему неверному любовнику, что невозможно было отвести взгляда.

Гейша в японской пьесе тоже любила и была вынуждена расстаться со своим возлюбленным, родители которого подыскали ему невесту.

Я читала о прекрасной гейше, чьи рукава плавали по воде подобно огромным крыльям, а пояс развязался сам собой; о ее черных гибких волосах, в которых запутались золотые кувшинки и заблудились рыбы... И тут я увидела ее. Под мостом, испуская жуткое зловоние, зацепившись за прибрежный камень, валялся раздувшийся, полуобглоданный рыбами, покрытый черными наростами ракушек труп, страшнее которого я не видела ничего на свете.

Труп соседской девушки, погибшей ради любви, начитавшись возвышенных стихов. Утонувшая гейша, бедная Лиза, Офелия... господи! Ну неужели нельзя было уйти из жизни как-нибудь по-другому? Не так жутко и страшно. Не заставляя других людей испытывать чувство глубочайшего омерзения, борясь с рвотными спазмами.

¹ Картина Ипполита (Поля) Делароша называется «Христианская мученица времен Диоклетиана в Тибре». Любуясь ее репродукцией с детства, я отчего-то упорно переделывала христианскую мученицу в идущую против Христа ведьму. Ошибка была обнаружена уже после написания книги, но исправлять ее не стала. Уж больно символично получилось.

Не было ни жалости к погибшей, ни желания хотя бы приблизиться для последнего прощания. Лишь ужас и глубочайшее омерзение.

Уверена, что если бы будущим утопленницам предварительно показывали, во что они превратятся, полежав в воде несколько дней, этот вид самоубийства сделался бы крайне редким, а то и вовсе исчез, оставшись лишь в произведениях литературы и живописи.

* * *

Как лилия из воды
Расту из боли я...

Трещина

В Казанском соборе сразу же обратила внимание на длинную очередь. Оказалось, к иконе Казанской Божьей Матери. Чудотворной, между прочим. Приложиться, стало быть.

Стою, смотрю, как дело идет, и медленно прикидываю, что скажу Божьей Матери, о чем попрошу. По всему выходит, что говорить нужно быстро и по делу, потому как очередь немаленькая и всем свое сказать хочется. Зачем народ лишний раз раздражать?

Стою. Стояние на пользу пошло. Причесала мысли, сложила их в короткий связный монолог. Подойду, все как есть выложу, перекрещусь и в сторону. А там пусть уж сама Царица Небесная разбирается, замолвить за меня словечко перед сыном или нет.

Очередь медленно, но движется, верующие порядок знают, надолго не зависают перед образом. Хорошо.

Подхожу. Передо мной последняя богомолка. В черном платке, бледная, уставшая. Привычно шагнула к иконе, на ступенечки приподнялась, чмокнула. Поклон положила.

Все. Дождалась. Моя минутка. В последний раз пересказываю в голове пожелания, по привычке сверяюсь по времени, чтобы не затянуть. (Я всегда перед выступлением проверяю, на сколько времени моя подборка стихов потянет). Все стройно, гладко, по делу. Самое важное и сокровенное. Уж если отвлекать высшие силы, то не по пустякам.

«Богородица Дево, радуйся...»

Ступенька, другая, смотрю – глаза в глаза. А у нее, у Девы Марии, у Божьей Матери Казанской, трещина через все лицо... Вертикальная, глубокая.

И тут все заранее приготовленные мысли из головы возьми да и исчезни, словно их и не было никогда. Стою, слезы лью. А в голове одна-единственная мысль: «Как же ей больно с такой раной! Как невыносимо больно!».

Так ничего я у Казанской Божьей Матери в тот день и не попросила, а ведь жизнь хотела изменить. Счастье свое наконец найти: дом... работа, любимый, ну и все в том же духе.

Только стоит теперь передо мной ясный лик с живыми, всепонимающими глазами, а на лице – трещина. И еще мысль «Как же ей больно с такой раной. Как же Божьей Матери больно!».

Тяжело

Мне тяжело. Тяжело воспринимать слишком яркий свет, высокие звуки и особенно их обилие. Не переношу, когда из окна льется дневной свет и при этом кто-то включил электрическую лампочку. Не люблю телевизор, а еще больше – когда в комнате включен поганный ящик и при этом все разговаривают, перебивая трансляцию.

Иногда мне кажется, что на меня давит сам воздух, сама атмосфера... ранят нехорошие поступки других людей, даже незнакомых, даже живших много-много лет назад.

Истории инквизиции причиняют мне ничуть не меньшую боль, чем произнесенное безразличным голосом признание о замученном голодом безобидном домашнем коте.

«В 2002 году Папа Иоанн Павел II извинился за казни, осуществленные святой инквизицией, и объявил, что Церковь раскаивается за “действия, продиктованные нетерпимостью, и жестокость в служении вере”».

Я совершенно не переношу издевательства над слабыми существами, особенно стариками и животными.

Время от времени я чувствую себя существом без кожи. Царевной лягушкой, с которой содрали лягушачью шкурку в ожидании чудес...

«Каждый человек... который не приемлет условий жизни, продает душу». Я принципиально не делаю того, что мне не нравится, не дружу и не общаюсь с неинтересными и пустыми людьми, но этого недостаточно. Мой ад значительно ближе, чем это можно себе представить, и он ждет. Один шаг, малодушный поступок, потворство лени или болезни – и...

Бездна – это не равнодушное нечто – это серый, притаившийся в засаде хищник, хищник, который неотрывно смотрит на меня, с неподдельным гастрономическим интересом измеряя, взвешивая и прикидывая, какова я на вкус.

Мой ад – моя личная бездна всегда со мной, что бы ни случилось. Я знаю, что уйдут друзья и любимые, а это...

* * *

Никто не вычерпает дождь,
не досмотрит этого мира.

Ирина Малярова

*Я выросла в любви,
Все это замечают,
И в нежности к друзьям,
И в нежности к цветам.
Поскольку мать моя
Во мне души не чаяла —
Чего желаю вам,
Чего желаю вам.*

*...И птаха на окне,
И кошка на коленях.
Вот жаль, нет малыша.
Кому долги отдать.
Я выросла в любви.
Не в роскоши, не в лени.
На свете шла война.
Меня хранила мать.*

Ирина Малярова

Сгорбленная, сухонькая старушка в черном мешковатом пальто семенила по Невскому проспекту, поминутно что-то шепча себе под нос. Она спешила, она ужасно спешила, чтобы как можно быстрее покинуть этот слишком людный отрезок пути, спрятаться, скрыться, исчезнуть. Давление толпы ощущалось кожей, больными ногами, потребностью остаться одной. И тогда уже...

Последнее время поэтесса Ирина Малярова писала много, очень много, порой не успевающая донести новую строчку до бумаги, иногда специально задерживая роды нового сонета. Писать при всех – это как рожать при всех. Раньше, когда была молодой и глупой, не столь чувствительной, не столь утонченной, а может быть, не столь ветхой... возможно... но только не теперь...

«Она всегда сочиняла очень много, а к старости стала сочинять еще больше, словно старая яблоня, которая клонится от плодов», – уже после смерти поэтессы делилась воспоминаниями Галина Толмачева-Федоренко. Правда, книжек выходило мало, журналы и газеты тоже перестали баловать предложениями о публикациях. Ирина Малярова принадлежала к поколению, привыкшему, что вопросом их продвижения должен заниматься Союз писателей. Скажут, делай сборник – сделаем.

Когда началась перестройка и новые сборники хлынули лавиной, Малярова была не против заплатить из своего кармана, не кичась билетом Союза писателей и, возможно, недо-еда ради счастья увидеть свое стихотворение в славно пахнущей типографской краской новой книжечке.

Платить из своих средств?.. Чтобы как-то прожить, поэтесса собирала на улице бутылки, которые выставлялись затем вдоль стен кухни. Отдохнув после утренней «охоты», Ирина Малярова мыла несколько бутылок – сколько могла донести до ближайшего пункта приема стеклотары. Остальные, грязные, ждали своего часа, неся странный караул в нищенской квартире известной поэтессы.

Сначала Ирина Александровна жила с мамой, писала стихи, редактировала, бралась за составление сборников, вела ЛИТО в ДК пищевиков, доставшееся ей после Натальи Груди-

ниной, потом... личная жизнь, как говорят, не сложилась. Не удалось... что тут попишешь?... не сложилась жизнь, как подчас не складываются отдельные стихи в сборник.

Ирина Малярова родилась в довоенном Ленинграде, во время блокады была эвакуирована из города – сначала в Казахстан, затем в Башкирию. Не хватало денег на еду, и мама продала ее любимую куклу, продала или сменяла на молоко и хлеб. Всю жизнь Ирина Александровна будет вспоминать о своей прекрасной кукле, размышляя, кому та досталась. Хорошо ли относятся к ее «дочке» чужие люди, ее «новая семья»? В какие игры с ней играют? Малярова хорошо помнила свою куклу, своего первого ребенка, любимого ребенка, которого от нее отобрали.

Будучи уже в возрасте, Ирина Александровна решилась родить. Одна, без мужа, она была готова на все, лишь бы только прижать к груди долгожданное чадо. Она была счастлива своей беременностью, счастье длилось шесть месяцев.

Я слышала, что в то время шестимесечных не спасали. Говорили, будто бы у шестимесечных деток не развиты легкие и мозг, что они обречены.

Малярова утверждала, что ее ребенок родился живым. Мальчик дышал, но врачах заявила, что он все равно не жилец.

– Дайте мне моего ребенка, пусть он умрет рядом со мной. Может быть, я еще сумею выходить его, пожалуйста...

Медсестра сгребла еще живого ребенка со стола и на глазах у беспомощной после тяжелых родов матери бросила его в ведро. Малярова всю оставшуюся жизнь будет помнить этот глухой шмяк нежного красноватого тельца и как жестокие люди, жестокая судьба лишают ее последней в жизни радости.

Малярова видела Анну Ахматову, общалась с Самуилом Маршаком, знала многих замечательных поэтов. Она была постоянным членом жюри творчества юных при Дворце пионеров им. А. Жданова (Аничковом дворце). Я запомнила ее еще весьма энергичной женщиной, которая, сидя за столом высокого жюри на сцене в белоколонном зале, поднималась навстречу юным поэтам с тем, чтобы вручить книжку или грамоту, сказать несколько теплых слов.

Через несколько лет я вновь встретила Ирину Александровну в Союзе писателей России. Маленькая, хрупкая старушка, известная, знаменитая поэтесса – Малярова жила в страшной нищете. В условиях, в которых по-хорошему не должно жить человеку. Брала в долг, заранее зная, что не отдаст. Знала и все равно была вынуждена брать, страдая от этого.

На гроши, которые удавалось выручить, собирая бутылки, поэтесса кормила многочисленных кошек, которых подбирала на улице. Кошки приносили котят. Ирина Александровна оставляла и котят, нянчась с ними словно с собственными детьми. В благодарность за заботу ночью кошки грели тщедушное тельце истончающейся с каждым днем поэтессы. И тогда комната наполнялась нежным урчанием и случалось чудо: нищенская обстановка преображалась до неузнаваемости, открывались волшебные двери и...

И лишь когда пишу стихи в ночи,
В моей руке волшебные ключи...

* * *

Я мёд вкусила со второго дна.
Не каждому скажу, что я одна.
Не каждому я руку протяну,
Не каждый разглядит меня одну.

Нас в Питере таких, как я, полно.
Нас жизнь швыряет на второе дно.
Сначала призрак славы, а потом?

– Хотите кушать? Ешьте суп с котом.
Но я зверей бездомных не боюсь:
Куском последним с ними поделюсь.
И лишь когда пишу стихи в ночи,
В моей руке волшебные ключи,

Я открываю дверь второго дна.
Весь мир со мной! Я больше не одна².

...Литературное наследие поэтессы Ирины Маляровой было выброшено в форточку³...

² Стихотворение Ирины Маляровой.

³ Я слышала, что основная часть ее рукописей находится у ее друга Елены Федоровой, еще что-то, скорее всего, осело у знакомых, редакторов журналов, с которыми дружила и сотрудничала Ирина Александровна, но когда это все будет востребовано... и будет ли?.. Вопросы, вопросы...

Голубая

Девяностые: перестройка, разгул кооператоров, бандитов, желтая пресса, пропаганда секса.

Обыкновенное питерское уныние. Только что выскочила из театра «Балтийский дом» с репетиции фестивального спектакля и теперь мечусь по улице в поисках кофе. Торговки вежливо и не очень предлагают свой товар. Передвигаюсь как во сне, едва ли не забывая переставлять ноги. Слякоть и низкое давление. Хотя нет, ноги-то свои я как раз вижу – приятно посмотреть на хорошенькие сапожки с золотыми пряжками, дальше полоска чулок и уже совершенно роскошная черная бархатная юбка. Шарман!.. Изящное пальтишко – такое легкое, что ощущаешь себя почти что обнаженной, на руках тонкие кружевные перчатки и крошечная сумочка с точно такой пряжкой, как и на сапогах, – это уже полный *charmant*. Венчает очарование шляпка, из-под которой как бы случайно выбился рыжий мелкобесный локон.

Останавливаюсь на секунду у витрины, чтобы в который раз влюбиться в эдакую себя-лапочку, и тотчас буквально напарываюсь на подозрительный взгляд стоящей рядом торговки.

И вот тут началось такое, от чего вся ранневесенняя серятина засверкала точно радуга, за которой я, помнится, почти что безрезультатно гонялась в детстве и в которую, вероятно, влетела теперь на автомате.

– Девушка, а вы случайно не голубой? – хрипло просипела бабка, оглядывая меня при этом с ног до головы.

От такого вопроса я вдруг сразу ощутила не прилив, а какой то прорыв сил. Адреналин заметно подскочил.

– Вы что, простите, считаете, что я похожа на мужчину? – переспрашиваю, заметно веселея и предчувствуя остренькое.

– Вот еще!

Хорошо же. Я начинаю лихорадочно перебирать в голове близкие по значению понятия, – что же на самом деле она имеет в виду? Голубой – ну хоть через лупу гляди – в моем очаровательном прикиде нет ни одной нитки этого цвета. В балете есть термин «голубая танцовщица». В смысле – есть «характерная», но имеется и противоположная ей «голубая», прозрачная и безликая, словно призрак. Но так отозваться на мой счет еще никто не решался, да и тетка не больно похожа на театрального критика. Что же еще есть голубого? Разве что бабка скрытый экстрасенс и видит ауру?

– Простите, – наконец не выдерживаю я. – Объясните, пожалуйста, что вы имели в виду, называя меня «голубым»?

– Что? – торговка залихватски подмигивает, отчего мне сразу делается не по себе. – А то, что вы такая... такая тонкая, нежная.

– О господи! Да, я женственная!

– Женственная? Нет. Женщины не такие. Вот это, например, женщина, – продавщица разворачивается и с размаху тычет в огромную бесформенную бабенцию с двумя неподъемными сумками, висящими по бокам точно гири, и с совершенно ословелым взглядом. – Вот женщина! Наша женщина. А вы...

– А я голубой, – соглашаюсь я, отступая и радуясь, как ни разу не радовалась за эту весну. – Ведь я никогда, никогда не стану такой женщиной!..

Призвание

– Одно время Ирина Малярова пыталась заработать на жизнь продажей у метро театральных билетов, – рассказывает Алина Мальцева. – Но поэту продавать билеты это... в общем, ничего она на этом поприще не заработала, только выматывалась и время тратила.

Однажды, выходя из метро, я заметила Малярову и подошла к ней. Поздоровались, у меня были с собой какие-то пирожные и я отложила ей половину в полиэтиленовый пакет. Ирина Александровна удивилась и очень обрадовалась.

Прошло сколько-то времени. Я, признаться, уже позабыла об этой истории, но Малярова помнила. И вот однажды на каком-то собрании в Союзе писателей Ирина Александровна вдруг взяла слово и громко заявила, что если нужно будет отправлять кого-то к больным коллегам, следует непременно послать Алину Мальцеву. Потому как Алина такой человек, что все равно придет и что-нибудь принесет им.

Долги

Несколько раз Ирина Малярова одалживалась у поэтессы Алины Мальцевой.

Взяла раз, другой, третий, четвертый. Брала и не отдавала. Должно быть, не получалось собрать нужную сумму. Не вернув долга, снова была вынуждена просить займы...

– Ну, вы мне не отдавайте, – попыталась однажды успокоить Малярову Мальцева, в очередной раз раскрывая свой кошелек перед незадачливой поэтессой.

– А я и не собираюсь, – простодушно ответила Малярова.

Оценили

Зашла в гости в Союз писателей России. Уже на лестнице:
– Как вы, Юленька, расцвели! Убирать пора.

Рейн – исправленная надпись

На фестивале в 1989 году в Баварии в числе особо желанных гостей числилась группа наших литераторов во главе с поэтом Евгением Рейном. Это было особенное время: Европа жаждала увидеть, услышать, почувствовать русское, русские же ощущали себя счастливыми детьми, впервые в жизни дорвавшись до сладкого. Хотелось смотреть, слушать, пробовать, примерять... хотелось всего и сразу, буквально объять весь мир.

– Среди русской делегации выделялась Саша Петрова – яркая одаренная девочка со своеобразными интересными стихами, – рассказывает Николай Якимчук.

– Для Александры Евгений Рейн был бесспорным кумиром, на которого она чуть ли не молилась.

Был сделан буклет фестиваля, на котором участники писали друг другу слова дружбы и любви, обменивались координатами, клялись, что никогда не забудут этих дней и друг друга.

Уже в поезде на Ленинград Саша Петрова подошла к Николаю Якимчуку со скромной просьбой подписать для нее у Рейна буклет. Ее чувство благоговения было таким сильным, что она не смела даже приблизиться к поэту...

Якимчук взял буклет и ручку и, войдя в купе, обратился к Рейну, читающему на верхней полке какой-то детектив.

– Евгений Борисович, не могли бы вы подписать буклет для одной милой девушки? Может, вы знаете ее – Сашу Петрову. Она была в Мюнхене вместе с нами, она очень любит ваше творчество и... и вообще благоволит к вам. Напишите что угодно, девушке будет очень приятно.

Ничего не говоря, Рейн взял протянутую ему ручку и, быстро что-то начертав, вновь уткнулся в книжку.

Когда Якимчук вернул подписанный буклет, с Сашей случилась истерика.

– За что он меня так?! Что я ему сделала?! – рыдала девушка.

Якимчук посмотрел на сделанную минутой раньше в его присутствии надпись:

«Трясет. Евгений Рейн».

Ага. Стало быть, Рейна попросили написать что угодно и он описал свои ощущения. Вагон действительно заметно потряхивало на рельсах.

– Стой здесь. Сейчас разберусь, – Якимчук вновь скользнул в купе.

– Евгений Борисович! Ну нельзя же так, вы жутко расстроили милую девушку. Не могли бы вы как-то исправить свою запись, чтобы ей было не так обидно...

Как и в первый раз, Рейн взял ручку и буклет и, не задумываясь, сделал приписку:

«Трясет от любви! Евгений Рейн».

Горлит, или А судьи кто?

В советское время вопросами, что можно и что нельзя издавать, занималась государственная цензура. Местные цензурные организации носили звучное имя Горлита. Горлиты стояли на страже сохранности государственных тайн, но и сами, в свою очередь, представляли собой достаточно странные засекреченные конторы.

Все рукописи перед изданием, включая авторефераты, вся печатная продукция должна была пройти через горнило Горлита, после чего выносился вердикт, оспорить который оказывалось проблематично уже потому, что посторонних в этой конторе не жаловали. Сотрудники же таинственного Горлита в прения с отвергнутыми авторами не вступали. Тут захо-чешь – концов не найдешь.

Исключением из общих правил являлись авторефераты диссертаций, и соискатели ученых степеней могли ожидать вызова в Горлит, где им высказывались претензии и пожелания.

Одним из таких авторов был давний знакомый Бориса Федоровича Сергеева, с которым тот в детские годы состоял в кружке юных зоологов при Ленинградском зоопарке. Звали знакомого Вадим Евгеньевич Гарут. К тому времени он успел закончить университет и аспирантуру при Институте зоологии, написать диссертацию и отнести ее автореферат в Горлит.

Отнес, отдал, расписался где нужно и уже было приготовился ждать долгие недели и месяцы. Но вызов пришел неожиданно скоро. Буквально за время, что Гарут добирался от Горлита (угол Садовой и улицы Ракова) до института – всего лишь четыре трамвайных остановки. Тишину приемной директора института разорвал телефонный звонок. Звонивший требовал, чтобы Гарут явился в Горлит уже завтра.

Ситуация, мягко говоря, волнующая. Чего такого крамольного, запрещенного, подозрительного усмотрели строгие цензоры? Да и когда они успели хотя бы пробежать автореферат глазами? Что будут спрашивать? Или возможно, что там уже будут ждать не работники Горлита, а...

Переволновавшись (и перетрусив), Вадим Евгеньевич отыскал телефон своего давнего знакомого, фронтовика Сергеева, и попросил его съездить в Горлит вместе.

Как говорят о Борисе Федоровиче, на войне он разучился чего-либо бояться, а значит, мог вынести и убийственный Горлит.

Сказано – сделано. На следующий день к девяти утра приятели стояли перед дверью конторы.

«Помню узкий пустой коридор. Слева окна во двор, справа двери с прорезанными в них крохотными окошками. Все закрыты. Тишина».

Сергеев как человек, побывавший не в одной военной передрыге, шел впереди, за ним семеня перепуганный Гарут.

Они уже успели добраться до середины коридора, когда Сергеев, не поворачиваясь, спросил:

– В какое окно нам назначено?

Его голос разнесся эхом по пустому коридору. Тут одна из дверей распахнулась, и перед приятелями предстал, улыбаясь во весь рот, еще один бывший кружковец – Пьер Уткин, как называли его в зоопарке.

– Ребята, вали сюда! – весело закричал он, распахивая перед ошарашенными гостями дружеские объятия.

Как выяснилось, автореферат Гарута достался на просмотр и рецензирование именно ему. Заметив знакомую фамилию, Пьер решил воспользоваться случаем и как можно скорее встретиться с давним знакомым.

Пьер, а на самом деле Петя Уткин, был инвалидом детства, из-за перенесенного полиомиелита его левая рука и нога были полупарализованы. В школе он учился еле-еле, не оставаясь на второй год исключительно благодаря заступничеству кружка юных зоологов, а возможно, и из жалости.

В зоопарке он и не думал подходить к зверям, ограничиваясь общением с пони и осликами, к которым в конце концов и был приписан – катать детишек по кругу, ввиду его явной непригодности к чему бы то ни было еще.

Любопытно, что человек, не усвоивший толком программу средней школы, занимал ответственное место в Горлите, решая судьбы рукописей и написавших их писателей и ученых, отвечая на вечный гамлетовский вопрос «быть или не быть?», вечный вопрос бытия «жить или не жить?».

Гость из бездны

– Была такая история, – Андрей Дмитриевич Балабуха поглаживает мягкую шкурку золотоглазого кота Бегемота. Тот сладко зевает, делая вид, будто собрался спать, но одно ухо торчком. Слушает. – Была такая история, печальная история, даже немного трагичная. Георгий Сергеевич Мартынов начал писать роман. Хороший роман, утопический, фантастический роман. Опять же сейчас, может, он не так хорошо смотрелся бы, но тогда... Действие отнесено в далекое будущее.

Написал пробу, приволок в «Детгиз». А там дура редактриса глянула и говорит:

– Да что вы, никому такого не нужно, кто это будет читать? Сейчас нужно писать как Жюль Верн. Что-нибудь вроде космического Жюль Верна сделаете?

– Сделаю, – сказал Георгий Сергеевич. Бросил свой роман, сел и написал «220 дней на звездолете».

Опубликовали.

И тут выходит «Туманность Андромеды» Ивана Антоновича Ефремова. Как раз вещь такого же масштаба, такой же направленности, что и у Мартынова.

В итоге Георгий Сергеевич пролетел.

И теперь говорят, что современная фантастика началась с Ефремова. А могла бы с Мартынова.

Его вещь вышла года через четыре после Ефремова, но такого резонанса, естественно, не вызвала.

Странно это как-то звучит. Хотя, возможно, это для меня странно – сказывается разница поколений. Плохо себе могу представить сам факт, что писателю кто-то говорит: это пиши, а это не пиши. Но тогда это было в порядке вещей.

Мокутеки – цель

Знакомый дал посмотреть фильм о том, как изготавливаются самурайские мечи. Динька внимает с открытым ртом и выпученными глазками. По окончании изрекает:

– Мама! Хочу быть кузнецом. Ты меняпустишь?

– В Японию? Почему бы и нет? Только там ведь учиться нужно, солнышко. Как раз то, чего ты терпеть не можешь. А потом работать. Таттеру (печь) кормить, полученный металл изымать, ковать. Умучаешься.

– Вытерплю, – деловито сипит носиком дочка. – Ведь тебе нужен настоящий японский меч! Пусть это будет моей целью.

Меч

По заснеженным улицам Питера шел человек с мечом за спиной. Человек был черно-волос и черноус, движения его отличались порывистостью, глаза были беспокойны. Рано утром он вышел из поезда, принесшего его бог весть из каких далей, и с тех пор все шел и шел, не останавливаясь и не отдыхая.

Он проследовал мимо стелы на площади Восстания, неодобрительно покосился на чуть не налетевшего на него вокзального носильщика и, выбрав направление, поспешил куда-то вдоль по Невскому проспекту.

«Вперед, только вперед, не останавливаться, не отвлекаться», – шептал он себе, то и дело пытаясь нащупать за спиной удобные ножны.

«Принявший чашу понесет крест. Два сердца ему и сияющий меч», – заголосило у самого уха, и человек с мечом заметил, как вздыбился черный конь на Аничковом мосту. Сделав свечку, вороной быстро перебирал чугунными копытами, трепеща чуткими ноздрями.

«Стой, Зорька, – напружинился обнаженный конюх, – в Фонтанку захотел?

«Не Зорька, а Аврора», – басом отвечивал конь и заржал, подмигивая прохожему с мечом.

«Да ну вас. Мерещится», – человек с мечом зябко поежился и ускорил шаг.

«Доброе утро, батюшка», – громогласно приветствовала его профессиональная нищенка у Казанского собора.

Человек покосился на побирушку. Со стороны торчащая рукоять его меча действительно напоминала черный крест.

Главное не отвлекаться – и все получится. Главное...

Угловое зрение поймало склонившегося над ним каменного витязя работы Пименова, хотя Аничков дворец и павильон Аничкова сада остались далеко позади.

«Заманивают, – с горечью подумал человек, стиснув зубы. – Врешь, не возьмешь».

За потенцию

– Первый раз «Меч Бастиона» мы вручали десять лет назад по решению коллегии литературно-философской группы «Бастион», – рассказывает Дмитрий Володихин, – он достался Олегу Дивову. А надо сказать, что в то время Олег был не столь знаменит, как сейчас, но уже замечен и весьма талантлив. Как говорится, восходящая звезда.

И вот, взяв в руки заветное оружие и по обычаю слегка приобнажив клинок, Эдуард Геворкян молвил: «По правилам «Бастиона» мы вручаем меч, не объявляя, за какое произведение он достался номинанту. У вас же, Олег, все впереди, так что считайте, что мы вручаем его вам за творческую потенцию».

Услышав сие, Дивов хитро прищурился и ответил: «Ну что же, мужчине должно быть приятно, когда ему вручают что-то за потенцию».

Крест

– Ты почто поэта, тебе присланного, в сборник не взяла? У него мама на телевидении, папа главный редактор в газете. Быстро позвони, скажи, что ошибочка вышла, что перепутала, не тому отказ вернула.

– Не-а, не получится. Она не просто отказала. Она на рукописи крест поставила, – привычно сокрушается рядом Саша Смир.

– Крест? Скажи, что это не крест, а знак плюс.

– Не получится, – отмахиваюсь я.

– Крест – не всегда плохо. Можно по-разному понимать: христианство, ось координат. Все можно объяснить в выгодную для дела сторону. Ты какой крест-то поставила? Может, вместо подписи, как безграмотная?

– Ага, – киваю я. – Вроде того. Андреевский – от края и до края.

Толкин или Толкиен

На каком-то из «Бастконов» обсуждали творчество Толкина. Тогда как раз шла дискуссия, как правильно: Толкин или Толкиен? И кто-то в сердцах ляпнул: вот у них есть Толкиен, а у нас почему-то нет никакого Толкиена?

И тогда Сергей Алексеев мрачно в сторону сказал: «Ну да, Пушкиен, Толстиен...».

Нина Чудинова и ее встречи с Анной Ахматовой

«На фоне Пушкина снимается семейство». Мода, наверное, такая пошла: плодить скучные «воспоминания» о встречах с великими (писателями, поэтами, художниками, актерами); и все-то эти встречи похожи одна на другую. В пивной, в ресторане, в забегаловке, накрыв поляну на даче или даже во дворе, на кухне или в комнате. Начинаются словами «у нас было...» и заканчиваются «не помню, что произошло дальше». И даже не в том дело, что тема выбрана не самая интересная. Просто, кому кроме как участникам попойки сама эта пьянка интересна? Во всяком случае, если в результате нее не произошло что-нибудь действительно интересное, необычное, запоминающееся...

А ведь поэты, художники, любимые актеры – те, на которых буквально молишься, – обладают властью порой полностью менять жизнь человеческую. Скажет этаким овеванным тайной магией властитель дум слово доброе – и затрепещет, потянется к нему из мрака собственной жизни живая душа. Точно хрупкий, нежный росток на солнечный свет, чтобы вырасти, окрепнуть, расправить ветви, дать листья и наконец расцвести...

Жизнь не баловала Нину Чудинову. В пять лет девочка осталась без родителей и была сдана в детский дом поселка Шейново Вологодской области, где провела два года. Едва начала привыкать, как пришлось переезжать в интернат города Устюжны, где находилась школа. Большую часть времени Нина находилась в подавленном состоянии, живя по навязанному ей расписанию и стараясь время от времени улизнуть из шумного общества и побыть одной. Когда Нине исполнилось девять лет, в ее душе как бы сами собой начали складываться поэтические строки. «Служенье муз не терпит суеты» – вот она и старалась уйти куда-нибудь от гама и досужих разговоров. Туда, где можно было бы хоть немного побыть в тишине.

Однажды, возвращаясь из столовой в спальный корпус, девочка наткнулась на разбросанные по земле листки из журнала. Они лежали вдоль обочины, и это было странно. Нина подняла один. Со страницы на нее смотрела красивая женщина. «Анна Ахматова», – прочла девочка. Ниже были напечатаны стихи. Ах, какие это были стихи!..

А действительно, какие именно стихи? В своих воспоминаниях Нина ни разу не говорила об этом. Должно быть, Ахматова поразила ее не какой-то отдельной удачной строчкой – понравилось все!

С того дня девочка старалась отыскать другие стихи Ахматовой, идя за великой поэтессой как за зовущим светом далекой звезды. Теперь она знала, для чего живет. Во всяком случае, пока есть такие стихи, пока есть подобные поэты, жить еще было можно.

Все свободное время Нина проводила в библиотеке, отыскивая портреты, стихи любимой поэтессы, любую информацию о ней. Учась у Ахматовой, про себя разговаривая с ней, мечтая о личной встрече.

В «Махабхарате» есть эпизод – мальчик просится в ученики к великому мастеру, тот отказывает ему. Тогда мальчик лепит статую учителя из глины и каждый день прилежно занимается перед образом своего учителя, стараясь расти и совершенствоваться на его глазах. Что-то подобное происходило с Ниной.

И вот в 1965 году, когда Нине исполнилось одиннадцать лет, их класс отправили на экскурсию в Ленинград, 4 июня они посетили музей-квартиру Александра Сергеевича Пушкина на Мойке, 12. Класс послушно ходил за экскурсоводом, рассказывавшей о семье Пушкина и о последних днях жизни поэта.

Какое-то время Нина позволяла себе следовать в ленивом потоке бредущих в одном направлении и послушно поворачивающих головы направо и налево школьников, когда экскурсовод вдруг подвела гостей к личному кабинету Александра Сергеевича.

Возле входа, за маленьким столиком у дверей, сидела пожилая женщина, которая, не замечая посетителей, продолжала строчить что-то в толстую тетрадку.

– В этом кабинете Александр Сергеевич работал над своими последними произведениями, – скучным однообразным голосом вещала экскурсовод. – А это, заученный взмах в сторону незнакомки, – Анна Андреевна Ахматова.

Постаревшая, располневшая королева Серебряного века и не подумала взглянуть на обступивших ее школьников, продолжая заниматься своим делом. Скорее всего, она и не замечала их. Постепенно толпа вокруг Ахматовой поредела, лишь Нина продолжала стоять напротив поэтессы, разглядывая ее и не зная, допустимо ли отвлекать Анну Андреевну от ее дел.

А ведь она так давно мечтала об этой встрече. И вот судьба... Нельзя даже дотронуться, в глаза поглядеть, слово сказать. Хотелось показать стихи, посоветоваться, просто поговорить...

Неожиданно Ахматова подняла на Нину уставшие глаза.

– Что тебе, девочка?

– Я тоже стихи пишу! – неожиданно писклявым голосом выдохнула та, окончательно смешавшись и покраснев до корней волос.

– Пиши, девочка, пиши, – печальные глаза Ахматовой несколько секунд смотрели в испуганные, смущенные глазки Нины, после чего она вновь вернулась к своим трудам.

«Пиши, девочка, пиши». Эти слова Нина Чудинова пронесет через всю свою жизнь как благословение и напутствие, что дала ей в самом начале великая поэтесса.

Безвозвратные потери

Мне было пять лет, когда не стало отца. Осень, дача в Воейково, овальная лужица под облезлой лесенкой на детской площадке. Под лесенкой, по которой мы пытались забраться на самое солнышко.

Ночью плакал дождик, он знал.

Нас с Виталиком увели в дом. Веселым мячиком брат бегал между мной и мамой, пытаюсь утешить. Сама трагедия до него не доходила, все произошло слишком далеко и потому, наверное, мало трогало. Беспокоило, что совсем рядом плачем мы.

Я мало что помню о том дне: сначала было весело, а потом веселье оборвалось и нас увели в сплошное горе.

Когда еще через пять лет не стало бабушки, нас с братом тоже выдернули из радости. Наверное, из самой увлекательной и веселой игры, какая только бывает, чтобы препроводить в горе, избыть которое не удалось и по сей день. Но сначала это не было горем. Я даже подумать тогда не могла, что горе может быть таким необъятным и безысходным, что даже спустя тридцать лет я не сумею с ним примириться.

Бабушка послала нас с братом искать в саду бабушку. Резиновые сапоги едва доходили до колен, а высокая, вся в блестящих дождевиках трава доставала до пояса.

Мне было приятно ощущать себя в мокрой одежде, представляя, будто пробираюсь через джунгли. Сначала мы были одни, потом в «игру» включились взрослые. Мы с братом чувствовали себя разведчиками, проводниками в мир неведомого. Шутка ли, мы показывали дорогу, вели за собой – мимо кустов сирени, по тропинке под гору, в которой дед несколько раз пытался прорубить лопатой ступени. Их всегда смывало дождем.

Мы видели озабоченные выражения лиц, отмечали ту необычную мягкость, с которой участники поискового отряда пытались разговаривать с нами, но мы ничего не предощущали, очарованные новыми событиями. Это было затишьем перед бурей.

Деда нашли в цветах сирени – точно актера, вышедшего на свой последний поклон, да так и заснувшего под грандиозным, ароматным букетом.

У меня кружилась голова, я плакала и падала без сил. Мама дотащила меня до кровати. Потом целый год я видела деда во сне, не в состоянии до конца поверить в неизбежность и невозвратность. В конце концов так и не смирившись, я продолжаю жить и поныне, оплакивая его уход.

* * *

– Время от времени меня спрашивают, чего тебе не хватает для полного счастья?

– Чего? Кого! Тех, кто ушел безвозвратно, – отвечаю я.

Последний кусочек колбасы

Отказалась от мяса с незапамятных времен и нисколько не жалею об этом. Хватит уничтожать братьев наших меньших. Рыба? Рыба – другое дело. Вот подумайте сами: если Ной собирал в ковчег всякой твари по паре, кого там не было?

Рыб. Почему? Да потому что какой смысл спасать рыб от наводнения?

Вот поэтому рыбы не наши побратимы и родственники, не те, чье спасение было санкционировано свыше, – исходя из этого, рыб есть можно.

Во всяком случае, это я так научилась отшучиваться.

А на самом деле ковчег здесь, конечно же, ни при чем. Просто однажды я начала замечать, что после самой обыкновенной котлеты не могу не то что прыгнуть повыше, а даже двигаюсь словно беременная слониха. Не ем мяса – и спокойно порхаю по сцене. И еще одно: невыносимо после трапезы видеть на тарелки кости. Ощущаешь себя в кунсткамере или на кладбище домашних животных.

Ну, в общем понятно. Решила отказаться от мяса, сказала – отрезала. Сначала не хватало чего-то, потом привыкать начала. Иногда брат или мама спросят: ну ты хоть в этом году попробуешь мяса? Я только плечами пожимаю. Зачем?

Но вот настал момент, когда после десяти лет воздержания от поедания безвинных животных я все же нарушила свой обет.

Произошло это в Японии, в клубе, где я работала.

В заведении тогда была хима – дико скучное время, когда за целый день не зайдет ни один клиент и все работающие там девочки вынуждены сидеть в вечерних платьях и полном гриме, ожидая невесть чего. Танцевать для пустых столов и скучно торчащих в проходах официантов, обрывать телефоны знакомым, умоляя их хотя бы ненадолго заглянуть в клуб?

В один из таких унылых вечеров к нам неожиданно появился страшно вредный тип, с которым при лучшем раскладе я бы точно за один столик не села. Но сейчас мы и такому гостю были рады.

За что мы его не любили? Вроде и собой недурен, и умишко какой-никакой у мужика наличествовал. Просто больше всего на свете обожал он издеваться над людьми. То назначит девушке встречу минут за пятнадцать до начала работы: мол, поднимемся вместе в клуб, а я упрошу хозяина с тобой погулять. Девчонка ждет, волнуется, звонит ему на трубку. А он ей отвечает: мол, уже близко, в пробке застрял, уже видит ее.

А потом за пару минут до начала работы, когда у девушки уже истерика, возьмет да и отменит все: дескать, дело неотложное появилось. Вот и несется бедняжка на работу, ломая каблуки и мешая на лице слезы с косметикой. Опоздание – 300 баксов, такие деньги на дороге не валяются.

Или для смеха возьмет и вместо пенки для волос подсунет крем для депиляции... На тюбике ведь иероглифы – попробуй разберись.

В общем гад он, хоть и японец.

А в тот день по всем приметам вижу: ко мне решил прикопаться. Сидит в компании филиппинок и двух украинок, и всей компанией они на меня взгляды кидают. То он посмотрит, то они, то он, то они...

Наконец позвали меня за стол.

– Ты самая белая в клубе! – смотрит на меня, посверкивая очками-половиночками.

– Возможно, – скромно опускаю глаза. «Самая, самая, это все знают. Японки за такую белизну состояния спускают, а на меня это совершенно бесплатно свалилось».

– И лучше всех танцуешь?

«Тоже не поспоришь. Звезда шоу, она и в Африке звезда». Смотрю, пытаюсь понять, какую каверзу для меня изобрели. Не может же он без гадостей.

– Ичибан?!

– Нет, вот это неправда. Ичибан, то есть первый номер – за моей подружкой Линдой. У нее отличный японский и гостей больше. Мои же в основном на шоу приходят. Так что далеко мне до совершенства.

– Все равно самая-самая... – довольная круглая рожа расплывается в умильной улыбке. Ну точно, сейчас что-то скверное предложит.

– Я слышал, что ты еще и вегетарианец? Колбаски не желаешь?

Одна из девушек пододвигает ко мне тарелочку с аккуратно разложенными кружками салями.

– Домо аригато. Нику таберу най⁴, – кланяюсь я.

– Табетай?⁵

– Хай. Содес.⁶

– Дозо,⁷ – тарелка движется ко мне.

– Нику таберу най.⁸

– Иронай дес ка?⁹

– Зен-зен иронай.¹⁰

В это время одна из украинок подсаживается ко мне, а филипинка начинает что-то шептать гостю.

– А за тысячу йен будешь? – бумажка ложится рядом с тарелкой. – Один кусочек колбасы за одну тысячу йен, – поясняет мне украинка. – Тысяча йен – это десять баксов. Ну что тебе будет от одного кусочка сервелата? Проблюешься в туалете и все.

Я отрицательно мотаю головой.

Передо мной ложится вторая тысячная бумажка.

– Нет.

Гость роется в бумажнике и достает пять тысяч йен.

– Гоминосай, декинай.¹¹

– Ичи манн?¹²

Девчонки смотрят на меня во все глаза. Ичи манн – 100 долларов. Можно сказать, ни за что.

Разочарованный гость показывает жестом, что разговор закончен. Закрывает бумажник. Я кланяюсь и направляюсь к диванчику, с которого за нами наблюдают другие девчонки.

– Джулия!

Я снова разворачиваюсь и с дежурной улыбкой подхожу к тому же столику. Где теперь рядом с колбасой лежат две бумажки по десять тысяч йен. Он решил издеваться надо мной по полной программе.

Следом за второй на стол с мягким хрустом опускается третья бумажка. Триста баксов. За эти деньги мог бы снять себе проститутку и получить удовольствие, а он...

⁴ Большое спасибо. Мясо не ем (яп.).

⁵ Хочешь есть?

⁶ Да, конечно.

⁷ Пожалуйста.

⁸ Мяса не ем.

⁹ Не признаешь?

¹⁰ Совсем не признаю.

¹¹ Извините, не могу.

¹² Десять тысяч иен?

Воздух вокруг нас словно налит током. Девчонки, ожидающие нас на диване, злятся, что я не беру деньги. Мой мучитель побагровел, глаза блестят, пальцы лихорадочно двигаются в бумажнике. Ну же?

Я закрываю глаза. Скрип кожи, вздохи и стоны со стороны бара. Мягкий шорох очередной бумажки на столе. Все в порядке. Открываю глаза – четыреста долларов.

Неслабо на сегодня. Тем более, если учесть, что хима, клиентов нет и заработков тоже.

Но я сдерживаюсь, чтобы не взять деньги в тот же момент. Желаящий заставить меня переступить через свое «я» человек не примет легкой победы. Еще бы – самая красивая, самая белая, лучшая танцовщица клуба... Я просто не имею права сдать ему за столь ничтожную сумму.

Хотя почему нет?

– Пятьсот!

Я смотрю на симпатичные бумажки на столе, но не вижу их, вслушиваясь, что происходит вокруг. Девчонки уже не сидят на диванчике – они без разрешения подошли и сгрудились вокруг нашего столика, менеджеры не строжат. Должно быть, делают ставки: кто кого.

Перевожу взгляд на сидящую рядом с гостем филиппинку. И только тут замечаю ее судорожные жесты. Ага, понятно, у него нет больше свободных денег! А значит, ставка уже не увеличится ни на йену, клиент заберет бабло и уйдет, жутко обиженный на клуб. Уйдет и не вернется. И мы будем в этом виноваты.

Кому в результате лучше? А никому. Я давно хотела вспомнить вкус копченой колбасы, так почему не сделать это за 500 баксов?

Изобразив муку на лице, я сгребаю со стола свои заслуженные сребреники и, выказывая всяческую гадливость, беру наконец кругляшек колбасы. Со стороны может показаться, что я запихиваю себе в рот отвратительного таракана или жабу.

Еще один важный момент: унижение самой красивой и самой белой женщины должно быть обязательно публичным, должно быть невыносимым для нее, причинять страдания. Только при таком раскладе говнюк останется довольным и не бросит шляться в этот клуб.

Решив наконец, что необходимый минимум выполнен и пантомима удалась, я кладу на язык пахнувший копченостями кусочек колбасы и начинаю его тщательно пережевывать.

Желая подыграть мне, менеджер притаскивает стаканчик «Хеннесси», дабы я могла запить «отраву».

Когда-нибудь, когда у меня будет семья, дети и внуки, я соберу их у зажженного камина в нашем доме и расскажу про то, как съела свой последний кусочек отличнейшей копченой колбасы. Съела за пятьсот баксов. Хоть в книгу рекордов Гиннеса отправляй!

Будка Ахматовой

Вот говорят – спонсоры, меценаты... Иной спонсор-даритель даст на копейку, а потом из тебя душу вытрясет, вынимая благодарность. Другой выдаст денег на лимонад детдомовским детишкам, а сам ходит потом гоголем – облагодетельствовал.

Впрочем, земля русская во все времена была богата щедрыми и скромными людьми. Ну вот, например, сколько лет стояла без ремонта будка Ахматовой в Комарово? Сорок. Развалилась уже почти – что такое дом без хозяина, сами понимаете. И что же, приехал как-то в Комарово Александр Петрович Жуков – геолог, доктор наук, бизнесмен.

Пришел поклониться Анне Андреевне в ее день рождения 23 июня, на домик полуразвалившийся поглядел, головой покачал и... что вы думаете? Отремонтировал.

Не сам, конечно, рабочих прислал. Но это ведь не пять копеек – полностью восстановить развалюху, превратив ее в добротный дом, в котором даже обои поклеены, как при Анне Андреевне. Об этой немаловажной детали советовались с Анатолием Найманом – секретарем поэтессы.

Постоит еще будка Ахматовой, послушает, как шумят высокие сосны и клены, посаженные лично поэтессой. Не простые клены – наши, питерские. Художница Валентина Любимова привезла черенки кленов из парка Фонтанного дома в Петербурге, где много лет жила Анна Андреевна. Клены, те самые клены, посаженные Ахматовой, живы!..

Вот пишу я эти строки и размышляю: вроде бы как не самый великий подвиг, а в то же время... на душе делается тепло и радостно.

У Аркадия и Бориса Стругацких есть замечательное произведение «Трудно быть богом». А ведь быть человеком, пожалуй, труднее.

Ваш портрет

На вручении АБС-премии в 2010 году встретились Аллан Кубатеев и Яна Дубинянская – Яна как раз стала финалистом премии Стругацких в номинации «художественное произведение», и ее все поздравляли!

Аллан протиснулся к Яне и, представившись, напомнил, что они уже списывались в ЖЖ.

– Да, я вас сразу же по юзерпику узнала, – весело ответила писательница.

Неплохой комплимент, если учитывать, что на юзерпике у Кубатиева Марлон Брандо в «Апокалипсис now».

Забастовка домашних вещей

– Мама, дядя Виталя, наверное, дома, его комната закрыта, – врывается в поток мыслей Динька.

– Вряд ли, дорогая. У него сегодня рабочий день.

Динька на мгновение исчезает и тут же появляется с озабоченной мордашкой.

– Его точно нет дома? Куртка и зимние сапоги на месте.

– Динечка, – вздыхаю я, – взрослые люди вынуждены ходить на работу, даже когда их комнаты закрыты наглухо и все куртки в качестве протеста остались дома.

Как приходит слава

Событие, о котором пойдет речь, произошло в восемьдесят третьем или восемьдесят четвертом году. Не суть. Главное, что «Комсомольская правда» решила опубликовать материал о художнике Кудрявцеве. Уже было несколько статей, где из Анатолия пытались сделать такого героя-корчагинца: еще бы, инвалид, который не спился, не впал в самый страшный грех – отчаяние. Стало быть, герой. Что же, отчасти они правы, хотя только отчасти. Ведь это же личное дело каждого, как распорядиться своей жизнью. Плакаться, что нет денег, здоровья, любви, что ушло детство, где-то заблудился разум; или жить, каждый день делая что-то светлое, доброе, настоящее, создавая миры, в которых другие в минуты отчаяния найдут свой приют, свою зачарованную страну, свой волшебный сад.

Пришла к Кудрявцеву журналистка, записала интервью. Пообещала, что непременно покажет текст для сверки, что не разрешит публиковать, пока сам художник не ознакомится и не проверит все до последней запятой. Вот, мол, как у нас в «Комсомолке» работают, не чета другим газетенкам. Все они так говорят, потом никогда ничего не показывают, наскоро собирают текст, отправляют в редакцию, там его потом перерабатывают по-своему, а в результате...

Разумеется, она позвонила уже после того, как отправила текст, да и после того, как статья вышла и сделать ничего уже было нельзя.

– Мне позвонили из редакции, спросили, можно ли в конце статьи дать твой домашний адрес, – извиняющимся тоном сообщила она по телефону.

«Комсомольская правда», у которой тираж 11 миллионов экземпляров. У Анатолия закружилась голова.

– В общем я дала, это... ничего? – журналистка поспешила еще раз извиниться и повесить трубку.

«Ладно, – попытался успокоить себя Толя, ну, придет писем пять-шесть, ерунда».

Первые два дня после выхода статьи прошли спокойно, а на третий на квартиру Кудрявцевых низвергся поток писем. Что называется – пришла слава!

Такого никогда прежде не случалось ни в жизни Толи, ни в тихой квартире его родителей, не бывало ни на улице Карпинского, ни даже на ближайшей к дому почте. Писали из разных городов, сел, поселков, с торпедных катеров, из тюрем, домов умалишенных. Писали с заводов, фабрик, из детских домов. Старушки присылали деньги, девушки объяснялись в любви, томящиеся в местах не столь отдаленных зеки рассказывали о своей судьбе, прося у художника совета, как жить дальше. Кто-то хотел, чтобы Анатолий дал ответ на интересующий вопрос, кому-то не терпелось договориться о личной встрече, с БАМа летели посылки с орехами, Молдавия слала ящики с яблоками и банки с вареньем. Посылки шли десятками, среди теплых носков, украинского сала и банок с соленьями попадались книги и журналы. Самый пик писем произошел, когда Кудрявцев несколько дней подряд получал до 1200 посланий. Почтальоны отказались носить письма, и отец Толи был вынужден ходить на почту с рюкзаком. Ах, какие это были письма! Пухлые конверты с фотографиями, вырезками из газет, написанные уборым почерком откровения, стихи...

Письма валялись везде и всюду: на кроватях, тумбочках, столах; пачки писем складывали в коробки из-под обуви, отправляли на книжные полки и в платяной шкаф; письма были на кухне и в прихожей, так что начинало казаться, будто бы они перемещаются каким-то фантастическим образом, самостоятельно выбираясь из Толиной комнаты и постепенно занимая все пространство квартиры.

Все члены семьи и друзья Кудрявцева были вовлечены в процесс чтения все поступающей и поступающей корреспонденции. Самые интересные бережно откладывали для

виновника эпистолярного бума, но даже и этого было много. Ну сколько человек может за день прочитать писем? И сможет ли он делать еще что-то помимо этого, когда чуть ли не над каждым посланием нужно было подумать, в каждое вникнуть. Добавляло трудностей, что как раз в это время Анатолий писал диплом в Академии художеств.

– В основном писали о себе, своих проблемах, страхах, тревогах, – рассказывает Кудрявцев, – тогда не было Интернета, нужно было с кем-то поделиться. А тут статья с автопортретом и реальным адресом. И вот народ кинулся писать.

Многие обижались, что я не отвечаю.

Я посчитал: чтобы мне всем ответить, с тем условием, что я пишу по одному письму в день, мне бы потребовалось 30 лет жизни.

В разгар почтового бума начали приходить различные делегации: рабочие с АвтоВАЗа, пионеры с горнами, заявлялись представители сексуальных меньшинств, последние томно заглядывали в глаза художнику, пытаясь углядеть ответную реакцию, отзыв – пароль. Не удавалось. Уходили... Жулики делали попытки обокрасть. В детских домах боролись за звание «Кудрявцев».

Когда посмотришь географию этих писем: Грузия, Чечня, Молдавия, с Крайнего Севера, с острова Котлан...

«Вот сейчас выйду из яранги, меня олень ждет, – рассказывала о своей жизни девушка из далекой чукотской деревни, – сяду в нарты, возьму в руки хорей и помчусь в город на почту письмо отвозить».

«Приезжайте к нам в Чечню, – зазывал невидимый друг из далекого горного аула, – будем рядом сидеть, шашлык, долма кушать».

Потом поток писем пошел по затухающей, но, что особенно приятно, Анатолий по сей день продолжает общение с несколькими людьми из тех, кто заметил когда-то в «Комсомолке» портрет художника и написал ему.

Зеленая вода

Анатолий Кудрявцев, Толя. Как странно... Я смотрю на Кудрявцева, точнее, смотрю на то, как он оглядывает меня. Профессионально? Или я уже привыкла к тому, что, болтая со мной о всякой всячине, он неизменно видит меня в образе феи цветов, вавилонской блудницы, амазонки или мадонны... Художник, что с него возьмешь. Я смотрю на Кудрявцева, и вокруг нас словно собирается зеленая вода, сквозь которую едва заметно движение гибких водорослей и осторожных рыб. Почему-то так получилось буквально с нашего знакомства, когда я пришла к нему домой как к редактору альманаха «Зазеркалье» и увидела или, возможно, тогда еще только почувствовала воду. Может быть, плафон на кухне создавал иллюзию движения теней. Или то, что он тут же начал рисовать мой портрет. Я увидела, как его руки выводят плавные линии. Мне показалось, что это тонкие водоросли. Оказалось – мои волосы. Толя рисовал, а его тогдашняя жена Женя Голосова напевала под гитару в другой комнате. Потом мы еще долго беседовали на лестнице, читая друг другу стихи и планируя, какие из них отправятся в ближайший выпуск «Зазеркалья», а какие останутся на последующие.

Зеленая вода – один из символов Кудрявцева. Символ необычный – судьбоносный. Добрый или злой? А шут его знает. Но тут следует пояснить. Дело в том, что, со слов самого художника, первые три года своей жизни Толя провел на территории психиатрической больницы Скворцова-Степанова, где работала его бабушка. Так что первые впечатления жизни у будущего художника оказались связанными со странными взрослыми, бродящими по дворику и коридорам больницы, среди которых нет-нет да и попадались Наполеоны и Екатерины Великие. И еще. Вдоль стен там были расположены зеленоватые аквариумы, в которых текла совсем иная жизнь. Часами мальчик мог любоваться на желтых рыб в странном, так не похожем на всё остальное зеленом мире.

Нереальной казалась не только окружающая Анатолия реальность – полубезумная, полуфантастическая, но и рассказы домочадцев о прошлом семьи. Странно было в атеистическом Советском Союзе слышать о том, что среди родни были священники и церковные старосты. Семейные предания парадоксальным образом повествовали о предках, среди которых числились и графы, и простые крестьяне. Особый интерес и почитание вызывал прапрадед богомаз, расписавший церковь в Осташкове в XIX веке. К сожалению, церковь ныне утраченную, в войну она была разрушена немцами. Так что правнук не застал творения знаменитого прадеда. Зато родители часто водили его в Эрмитаж и Русский музей. Айвазовский сделался первой любовью юного художника. Завораживала зеленая вода его полотен, за которой словно прятался манящий своей роковой тайной зеленый мир.

Зеленая вода... В 1974 году в поселке Солнечное в возрасте десяти лет Толя нырнул, а из воды его уже доставали другие. Диагноз: перелом позвоночника, повлекший за собой полный паралич. Врачи говорили, что шансов нет. Отец сделался совсем седым, вместе с матерью они боялись отойти от постели сына, ожидая худшего.

А для Толи на несколько месяцев его картинной галереей сделались оставшиеся от последней протечки разводы на потолке, в которых он видел странных людей и животных. А ночью... ночью его снова и снова брали в полон зеленые воды тайны. Вопреки медицине и всему на свете через несколько месяцев он начал двигаться и даже пытался рисовать привязанным к руке карандашом.

Зеленая вода... По словам самого художника, его жизнь течет медленно и незаметно, подобно той зеленой воде, зачаровавшей его в далеком детстве. Зеленое солнце светит сквозь изумрудные воды, плавают желтые, стремящиеся достичь заветной формы Луны рыбы.

Зеленая вода жизни Анатолия течет так незаметно, что порой кажется, что она стоит на месте, что уснула. А потом вдруг все словно взрывается в один момент, и жизненная река резко меняет русло. Летит, увлекая неосторожно оказавшихся рядом знакомых и случайных людей, заводя, закручивая все вокруг, пока глаза художника не начинают различать под беснующимися волнами неспешных в своей лунной грации рыб. И тогда снова настает время созерцания, время зеленой воды...

* * *

Когда моя дочь умывается,
Она оставляет в умывальнике столько грязи,
Сколько нет в огороде.
Интересно, избывает ли она мои грехи
Или зарабатывает себе на индульгенцию?..

Почему не любят журналистов?

– Почему не любят журналистов? А за что их любить? Вот, например, случай с Валерием Яковлевичем Леонтьевым, – рассказывает поэт Юрий Баладжаров. – Но сначала преамбула. Каждый год Леонтьев старается отмечать свой день рождения в Петербурге. Он дает три-четыре концерта в «Октябрьском», после которых Элла Лавринович, директор БКЗ «Октябрьский», устраивает банкет. На этом ежегодном чествовании собираются самые близкие люди – личные друзья певца, его балет, продюсеры, авторы, композиторы... Ну и пресса, куда без нее?

Сначала в банкетный зал на третьем этаже приходят гости, и уже самым последним Леонтьев. Не то чтобы звезда важничает или пытается придать себе большую значимость. Просто после концерта он не уходит со сцены, пока публика не отпустит его, кланяясь каждому цветку, благодаря, улыбаясь... Это дань уважения публике, хорошая, добрая традиция. А после выступления нужно ведь еще и разгримироваться, переодеться, принять душ.

В общем, в тот день, о котором я хочу рассказать, все уже успели занять свои места за столом, когда Валерий Яковлевич вошел в зал. И надо же такому случиться, что стол был поставлен так близко к стене, что для того, чтобы именинник пробрался на свое почетное место, нужно было поднимать целый ряд гостей.

– Сидите, сидите. Не такой уж я и старый! – весело остановил пытавшихся подняться и уступить ему дорогу гостей. Валерий. – Ничего со мной не случится, пролезу под столом.

С этими словами Леонтьев действительно юркнул под стол и под смех собравшихся быстро прополз на свое место.

Скажите, отлично вышел из положения? Ан нет, не тут-то было. В этот момент присутствующие на дне рождения телевизионщики включили камеру!

На следующий день материал с вылезающей из-под стола звездой был с успехом показан по телевидению под соусом: «Вот как напиваются народные артисты».

Гадость.

Распродажи

На Сенной площади толпились люди: бабки с иконами, дядьки с нацарапанной шариковой ручкой торговой рекламой, сэндвичмэн. Все они предлагали на продажу свои души.

Первые – рабочие пять дней недели обычно торговля шла активно, в субботу поток желающих приобрести души заметно редел, а в воскресенье только редкий черт забредал в это богом забытое место.

Вообще черти и прочее демонье предпочитают респектабельные, серьезные души с солидным послужным списком грехов или добродетелей. Души королей и банкиров идут с молотка на аукционе Skorbi, души попроще можно приобрести в магазинах или заказать через Инет. Только там ведь никогда не знаешь заранее, что пришлют. Наверняка какую-нибудь совсем уж завалыщенькую душонку, с которой потом непонятно что делать.

Любимое занятие чертей приобретать души на распродажах. Дешево и сердито. Правда, тут тебе нет каталогов и нельзя как следует приглядеться, взвесить да обмерить... Впрочем, среди душ безнадежных алкашей, бомжей, проституток и наркоманья иной раз попадаются вполне симпатичные экземпляры. Даже художники с Пушкинской, 10, время от времени заглядывают торгануть душой.

Главное – пораньше встать, наладить метлу или какое другое средство передвижения и на Сенную...

Там душу можно приобрести совсем дешево. Если повезет – вообще за копейки. Сама слышала, как один кричал: «Душу продам за опохмелку». А иным просто интересно: как это жить без души? Вот и продают.

Бойкое место – Сенная площадь в Санкт-Петербурге.

Портрет вдовы Татлина

– Некоторое время назад судьба свела нас с Александрой Корсаковой – художницей, вдовой великого Татлина, – рассказывает Наталия Каменецкая.

Мы расположились на кухне у Насти Нелюбиной, Наталия утомлена. Всего несколько дней в Питере – и ни минуты покоя. А тут еще и я с диктофоном. Ну да что поделаешь, ради такого дела приходится терпеть.

– Вы знаете Татлина?

– Слышала, – пожимаю плечами. – Художник-кубист или, скорее, футурист ...

– Верно, все слышали. Владимир Евграфович Татлин – живописец, график, конструктор. Татлинскую башню видели? Башня Интернационала. 1919 год, Татлин создал модель из стекла и металла – семиэтажное вращающееся здание, в котором должен был разместиться высший орган рабоче-крестьянской власти. Проект не был реализован, но благодаря ему Татлин заслужил мировую славу и остался в истории как новатор искусства. Александра Корсакова была его супругой, отличной художницей, талант которой мерк рядом с именем мужа. Она так и осталась в истории как вдова Татлина. Даже ее портрет работы Ариадны Соколовой называется «Портрет вдовы Татлина». Несправедливо.

Когда мы с ней познакомились, Александре Корсаковой было уже за восемьдесят, но прямая спина, ясный взгляд, мысли, идеи, желание двигаться дальше, что-то делать... ее невозможно было назвать старухой. Корсакова застала эпоху авангарда и могла часами рассказывать о художниках того времени. Очень интересный человек со своей философией, мировоззрением.

Только одна странная деталь: мы встречались два раза и Александра Николаевна почему-то то и дело возвращалась к теме переезда. То она хотела сменить мастерскую, то собиралась перебраться к знакомому художнику. Говорила, что он ее звал... Позже мы вспомним эти ее слова и вот по какому поводу.

Шел 1990 год. Записав интервью с Корсаковой на магнитофон и расшифровав его (в то время мы с художницей Ириной Сандомирской работали над новым журналом «Феминистики-критики»), собрав весь необходимый нам для дальнейшей деятельности информационный багаж, мы отправились в Америку. Там нашу машину ограбили, и чемоданы со всем материалом и первым номером журнала были похищены. Исчезли и пленка, и расшифровка... вообще все!

В это же время в Москве Корсакова покончила с собой.

Было такое ощущение, что это она, точно стихийное бедствие, унесла с собой все.

Вот тогда мы и вспомнили о ее разговорах, о необходимости что-то изменить, уехать, начать сначала...

Позже мы воссоздали по памяти интервью. Художник Олег Кулик предложил развесить выставку «Женственность и власть» на плечики, приравняв таким образом женское искусство к гардеробу. В этой выставке по давней договоренности участвовали работы Корсаковой.

Всю жизнь Александра Николаевна прожила как жена, а затем вдова Татлина. Всю жизнь она тяготилась его знаменитым именем и мечтала, чтобы ее оценивали по ее собственным делам. И вот же судьба: на поминках о ней опять говорили как о вдове Татлина. И никто не вспомнил, что она и сама была хорошей художницей.

В конце разговора Наталия Каменецкая заметила, что Александра Корсакова была по-настоящему сильной, не желающей ни от кого зависеть женщиной, которая тяготилась старостью, заранее страшась того времени, когда не сможет обслуживать себя и сделается обузой для окружающих.

Она была такой же сильной и своевольной, как Лиля Брик. Лиля Брик ведь тоже покончила с собой, сломав шейку бедра и поняв, что не сможет самостоятельно передвигаться. Старость и беспомощность – ужасное сочетание.

Да, легендарная Лиля Брик умерла в возрасте 87 лет, приняв смертельную дозу снотворного на своей даче в Переделкино. Корсакова отравила себя в 86 лет.

Тринадцать фактов о Лиле Брик

Факт 1

Ее имя происходило от лилии, а еще от Лили Шёнеман, возлюбленной Гёте. Так решил ее отец, Урий Каган, присяжный поверенный при Московской судебной палате, даря дочери вместе с именем судьбу.

Таинственная женщина. «Муза русского авангарда», как назвал ее Пабло Неруда, сестра французской писательницы Эльзы Триоле, жена критика и литератора Осипа Брика и возлюбленная Владимира Маяковского.

«Это было нападение, Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально. И хотя фактически мы с Осипом Максимовичем жили в разводе, я сопротивлялась поэту. Меня пугали его напористость, рост, его громада, неумная, необузданная страсть. Любовь его была безмерна. Володя влюбился в меня сразу и навсегда, – пишет в своих воспоминаниях Лиля Брик. – Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал», – призналась она же Андрею Вознесенскому.

Факт 2

Мужу она была обязана появившейся в ее инициалах буквой «Б», так как со дня свадьбы ее полное имя звучало как Лиля Юрьевна Брик, сокращенно Л.Ю.Б. Посвящая ей стихи, Маяковский подписывал их: «Маяковский Л.Ю.Б.». Инициалы Л.Ю.Б. были выгравированы на одинаковых кольцах Лили и Владимира, сливаясь в бесконечную ЛЮБЛЮБЛЮ. Именно эти буквы будут высечены на огромном валуне в месте, где друзья через много лет развеют прах музы русского авангарда.

Факт 3

«А если бы Ося женился, вы бы огорчились?» – поинтересовалась как-то приятельница Лили Брик Рита Райт.

«Этого не может быть! И никогда про это не говорите», – ответила Лиля.

Позже, когда Осип Максимович сошелся с Евгенией Соколовой, Лиля подружилась с соперницей. И когда Осип Брик в 1945 году умер от инфаркта миокарда, долгое время помогала ей материально.

Факт 4

Они жили втроем – Осип, Лиля, Владимир и часто вместе путешествовали. Вынужденная мириться с подобными неудобствами, Женя¹³ обосновалась по соседству, куда приходил к ней Осип. Предпочтительно днем. Ночью он должен был спать в своей постели, так как утро и вечер тройственный союз традиционно проводил «своей семьей».

Но если Евгении разрешалось ездить с Осипом по стране, за граница была территорией, куда Лиля вывозила своих мужчин или позволяла вывозить себя.

Факт 5

¹³ Евгения Гавриловна Соколова, жена кинорежиссера Виталия Жемчужного.

«Володя такой большой, что удобнее индивидуальный гроб, чем двуспальная кровать». Путешествуя с Маяковским, они не оставались ночевать в одной комнате на одной кровати. Это было правило.

Правила устанавливала Лиля. Лилия была всегда права.

«Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо».

Факт 6

Маяковский называл Лиллю «Киса», «Лисичка», «Мой любимый Лилистик»:

«Дорогой Мой Милый Мой Любимый Мой Лилистик! Я люблю тебя. Жду тебя, целую тебя. Тоскую без тебя ужасно-ужасно. Письмо напишу тебе отдельно. Люблю. Твой Твой Твой».

Она называла его «Щен», «Щенок», «Щеник», «Волосик»:

«Волосик, Щеник, Щенятка, зверик, скучаю по тебе немыслимо! С Новым годом, Солнышко!

Ты мой маленький громадик!

Мине тебе хочется! А тебе?

Если стыдно писать в распечатанном конверте – пиши по почте: очень аккуратно доходит. Целую переносик и родные лапки, и шарик, все равно, стриженный или мохнатенький, и вообще все целую, твоя Лилия».

Факт 7

«...если бы у меня был сын, то он наверняка загремел бы в 37-м, а если бы уцелел, то его убили бы на войне», – Лилия решила не иметь детей ни от Осипа, ни от Владимира. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

В самом начале отношений с Владимиром Маяковским они договорились честно сказать друг другу, если почувствуют, что их чувства охладели. Весной 1925 года Лилия в одностороннем порядке выполнила условия договора. Маяковский был безутешен.

Факт 8

Лилия считала буржуазным скрывать свои романы и связи на стороне и возмущалась, когда ее взгляды не разделялись другими. Из-за ее отношений с кинорежиссером Львом Кулешовым его супруга актриса Александра Хохлова сделала попытку самоубийства.

«Что за бабушкины нравы?» – возмутилась Лилия, когда ей сообщили о чуть не произошедшей трагедии.

Факт 9

Когда Маяковский влюбился в Наталью Брюханенко, Лиля запретила ему вступать с ней в официальный брак. Великий поэт подчинился. Несмотря ни на что, Лилия дружила почти со всеми его женщинами, ревновала она лишь к Татьяне Яковлевой – русской эмигрантке, с которой Маяковский сошелся в Париже.

Узнав, что Владимир посвящает Яковлевой стихи, Лилия написала ему: «Ты в первый раз меня предал!».

Факт 10

Маяковский хотел, чтобы Татьяна переехала к нему, та же по понятным причинам желала жить во Франции. Гуляя вместе по Парижу, Владимир и Татьяна говорили о Лиле и даже вместе выбрали ей прощальный подарок – автомобиль «Рено». В то время это было невероятно! Лилия стала второй женщиной-москвичкой за рулем. Казалось бы, она получила отступного и теперь не должна мешать их счастью.

Согласно долгое время бытовавшей версии, Маяковский должен был явиться в 1928 году за Яковлевой в Париж, но его не выпустило за границу ОГПУ. На самом деле, как писал об этом Валентин Скорятин, проведший немало времени в Государственном архиве, Маяковский даже не подавал просьбу о выезде. Невеста напрасно прождала его и через какое-то время сочеталась браком с человеком, не связанным никакими обязательствами, клятвами и привязанностями.

Факт 11

Другие подруги Маяковского не спешили связать свою жизнь с жизнью поэта, так как понимали, что в любой момент между ними может возникнуть тень Лили и они останутся у разбитого корыта.

Последняя любовь Владимира Владимировича Вероника Полонская – актриса МХАТа и жена Михаила Яншина, отказавшись немедленно уйти от мужа и перебраться к Маяковскому в комнату на Лубянке, закрывая за собой дверь, услышала выстрел.

«Лилия – люби меня. Товарищ правительство, моя семья – это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо. Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

*Как говорят – «инцидент исчерпан»,
любовная лодка разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете и не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.*

Счастливо оставаться. Владимир Маяковский» (предсмертная записка В. Маяковского).

«Если бы я или Ося были бы в Москве, Володя был бы жив», – писала Лилия сестре Эльзе.

Факт 12

После смерти Маяковского Лилия носила его кольцо с надписью Л.Ю.Б. на шее и вышла замуж за Виталия Примакова.

Осип снова был рядом с ней и как встарь они жили втроем.

«Я всегда любила одного – одного Осю, одного Володю, одного Виталия и одного Васю» (имеется в виду Василий Катанян – четвертый муж Лили Брик, с которым она сошлась после расстрела Примакова).

Факт 13

Лиля Брик прожила долгую и интересную жизнь. По ее собственному признанию, перед смертью ей явился Маяковский.

Всю свою жизнь Лиля Брик оставалась властной, способной принимать решения женщиной. Поэтому, когда в 86 лет она сломала шейку бедра и поняла, что отныне ей осталось только лежать колодой и что она становится обузой для своих близких, она покончила с собой.

«Приснился сон – я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: «Все равно ты то же самое сделаешь»».

Мертвые или вечно живые

В школе мы учимся по стихам давно ушедших поэтов, собственное чтение обычно тоже начинаем с классики. Как правило, первые стихи пишутся в подражание тому или иному любимому поэту. Пииты прошлого – умершие ныне поэты продолжают влиять на нас всю нашу жизнь, так что невольно начинаешь думать, что настоящая жизнь у людей искусства начинается уже после жизни бренной, земной. Мертвые или вечно живые поэты продолжают жить среди нас, время от времени нашептывая на ухо свои, а не наши строки. Есть даже такой термин «привет от...». Привет от Сергея Есенина, от Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. Я уже молчу о многочисленных «приветах» и посланиях от Владимира Высоцкого.

Мы живем в домах или ходим рядом с домами, где когда-то жили поэты, писатели, художники, невольно приобщаясь к их продолжающей жить духовной сущности. Что-то такое, что с годами и не собирается умирать, не покидает стен, за которыми писались романы, песни и стихи, где велись литературные дебаты. Нас цепляет Петербург Достоевского, потому что влияние его не ограничивается страницами романа. Те самые доходные дома и дворы-колодцы существуют в реальности. Есть даже специальные экскурсии по местам Федора Михайловича в Петербурге. Есть Петербург Достоевского, Петербург Блока, Пушкина...

Современные города, города, сохранившие в себе живую историю, в чем-то напоминают «Пикник на обочине» Стругацких. Помните, кто-то посетил землю, устроив на ней пикник, и уходя оставил... Ушедшие, но не оставившие нас в покое поэты и художники привнесли в наш мир что-то такое, что делает «наш» мир... (хотя кто сказал, что он «наш»?) миром, в котором очень сложно, а может быть, даже невозможно сделать что-либо принципиально новое, что-то, чего не было до нас. Как говорил в своих последних беседах с сестрой Артур Рембо: нет свободы в творчестве, так как все было уже сказано до нас, единственная свобода – петь хвалу Господу, приближаясь через это к его престолу. Но так он думал не всегда, всю жизнь стремясь к свободе и разрывая любые пытающиеся захватить, опутав его по рукам и ногам, узы.

Мы пропитаны музыкой стихов живших на этой земле до нас и, возможно, продолжающих жить здесь по сей день поэтов. Поэтому мне порой и кажется, что времени нет, а все, что было, есть и будет, происходит на каких-то параллельных пластах, имеющих сходство с лепестками розы Даниила Андреева.

Воланд из бессмертного произведения Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» говорит, что не собирается читать стихи поэта Ивана Бездомного, так как читал другие стихи. То есть стихи создаются не индивидуальным гением человека, но коллективным влиянием на него поэтов прошлого, грядущего, стихотворцев, окружающих нашего поэта, и людей, которые о поэзии в себе даже не подозревают, совершая поступки по степени своего безумства, тонкости или смелости доступные лишь истинным поэтам.

Стихи – многогранны, многослойны, сложны, причем даже те, что написаны нарочито простым языком. С этими вообще все непросто. Начнешь, бывало, разбирать такие стихи, и вот они – играющие в прятки с поэтами настоящего; поэты прошлого высовываются из-за строк. Чур-чура нас до утра.

– Кто сказал, что поэту для того, чтобы писать стихи, нужно какое-то горе или несчастье? – удивляется в своем интервью телевидению Борис Рыжий. – Настоящая трагедия поэта как раз в том, что он не может не писать в рифму. Был бы нормальным человеком – писал бы прозу, а тут... величайшее несчастье – этот дар. И зачем тут что-то другое?

Более чем уверена, что многие взявшие в руки эту книгу читатели будут удивляться, почему я пишу о Лиле Брик, Крученых или Есенине. Вот потому и пишу, что для того, чтобы понимать современную поэзию, необходимо учитывать тех, кто оказывал влияние на этих самых поэтов. Живя в Питере, мы, желая этого или нет, постоянно сталкиваемся с призраками тех, кто был здесь до нас. «Петербургский текст – это безумие», – сказал Андрей Битов на вручении премии им. Николая Гоголя в музее современного искусства «Эрарта» в 2010 году. Московский мистический текст – это «Мастер и Маргарита», крымский – это живущий по сей день в Коктебеле дух Волошина... Кавказ давным-давно пленен Лермонтовым. Мы в сетях поэтов и писателей, мы персонажи в чьей-то пишущейся нашей кровью и нашей радостью истории. Мы листья на Мировом Древе: подует ветер – и нет нас... Или наоборот: прилетит ветер, сорвутся листья и закружатся в воздухе, создавая ослепительную радужную арку, которая выгнется однажды надежным щитом над землей, не позволяя никаким пришлым бедам обрушиться на наших детей. И еще. Даже уйдя из времени настоящего, мы все же продолжим нашептывать, наговаривать, диктовать тем, кто останется жить после нас.

Мы любим эту жизнь, даже если она и не отвечает нам взаимностью. Мы любим писать и живы, пока у нас есть возможность творить. А следовательно, мы бессмертны!

На крыльях гарпии

В альманахе НФ в конце 60-х годов появилась короткая фантастическая повесть Георгия Гуревича «Крылья гарпии». Прочитал ее Андрей Балабуха и был так обрадован и поражен, что сразу же написал восторженное письмо автору.

«Дорогой Георгий Георгиевич! – писал молодой тогда Балабуха. – Как здорово, что вы фантаст старшего поколения, выросший на фантастике ближнего прицела, в развитие которой вы внесли огромный вклад. Как замечательно, что вдруг вы пишете вещь совершенно в другом стиле! Насколько, оказывается, вы способны расти и меняться вместе со временем. Это же фантастика совершеннейшая!!!».

На что Гуревич ответил неожиданным горестным письмом:

«Что вы, Андрей, это же когда-то была моя первая повесть».

То есть ему ее когда-то задробили и она увидела свет только через двадцать лет после написания. Вот и не верь потом, что новое – это всего лишь хорошо забытое старое. Хотя в этом случае даже не «забытое», а чудом сохранившееся.

Крученых

Когда Алексей Елисеевич Крученых умер в возрасте 82 лет, Корней Чуковский записал в своем дневнике: «Странно. Он казался бессмертным... Он один оставался из всего Маяковского окружения».

– Крученых верил в возможность бессмертия, в то, что когда-нибудь ученые изобретут средство против смерти, и стремился дожить до этого благословенного времени, – рассказывает лично знавший его поэт Константин Кедров. – Крученых верил, что все беды происходят от микробов. В доме у него все чашки были черными от марганцовки, которой Алексей Елисеевич обязательно протирает посуду перед употреблением. Посещавшая поэта у него дома Лидия Борисовна Лебединская была поражена цветом его посуды.

* * *

– В ЦДЛ Крученых заходил по удостоверению Союза писателей, которое он демонстрировал очень странно, как будто бы боялся, что документ могут отобрать. Как-то боком, почти что не вынимая из кармана, – рассказывает Константин Кедров. – Дело в том, что в Союзе писателей того времени существовала процедура переаттестации, которую литераторы меж собой называли «переарестацией». По итогам которой вполне могли отобрать членский билет. Это было страшно! Любого писателя практически в любой момент могли вызвать в секретариат и попросить отчитаться о проделанной работе. Чем бы он отчитывался?

дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л эз

Его могли спросить: «Где ваши стихи о Родине? О партии?» И что тогда?

Это было страшное время, тогда удержаться на плаву могли только люди с сильной и надежной «крышей».

Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов – все они обладали мощнейшими покровителями.

Аксенов был женат на дочери нашего посла в Англии, у Беллы мама была могущественная вельможная особа, Вознесенский...

Крученых ничем подобным не располагал. Он ходил в ЦДЛ, всякий раз ожидая вызова на комиссию, грозной переаттестации, того, что, возможно, его вообще никуда не пустят, отобрав драгоценные корочки. Тем не менее, он не только шел в ЦДЛ, но еще и тащил туда литераторов, не являвшихся членами СП.

На поэта Крученых ЦДЛ-овская обслуга неизменно смотрела свысока, чуть ли не с презрением: мол, ходят тут всякие. И она же подобоострастно кланялась Симонову.

В тот день, когда Кедров проник в Центральный дом литератора в компании Алексея Елисеевича, Крученых повел его в ресторан при ЦДЛ. Там, сидя за столиком и разговаривая

о литературе, Алексей Елисеевич тщательно, со всех сторон обжигал сыр. Микробы, опять эти опасные, жуткие микробы!!!

В тот день в ЦДЛ говорили о реализме. Реализм был в моде.

Крученых: Реализм это что-то очень мещанское, мечта мещанина о счастье. Все мещане мечтают, чтобы жизнь была реалистическая. Отсюда реализм – мещанская религия.

Кедров: Слово это французское. Не знаю, что означает.

Крученых: А я и знать не хочу.

Захотелось кофе. А ЦДЛ славился тем, что там варили приличный кофе. Вообще в Москве числилось несколько привилегированных местечек, где можно было попить кофе, но везде пропускали лишь по удостоверениям. В тот день кофе в ЦДЛ не завезли. Или завезли, но не для Крученых.

Тогда Алексей Елисеевич предложил пойти в Дом ученых, утверждая, что кофе там был. Правда, на полпути выяснилось, что «кофе там был, но до войны».

В Дом ученых их тоже долго не пускали, Крученых пытался доказывать, что он ученый.

Крученых: Я тоже ученый

Кедров: Я бедный студент.

Наконец их пропустили, но кофе там тоже не оказалось.

Через много лет, вспоминая этот эпизод с поиском в Москве шестидесятых годов XX века кофе, Константин Кедров написал:

Однажды я беседовал с Крученых,
– Вы молоды, – сказал он, – вы умны.
Давай пойдем со мною в Дом ученых,
Там было кофе, правда, до войны.
И мы пошли с Крученых в Дом ученых,
Но не было там кофе для Крученых.

Грустный-грустный и веселый-веселый

– Днем после университета захожу в «Сайгон», – рассказывает Дмитрий Вересов, – там один мой знакомый, веселый-веселый, за столиком кофе пьет. Подходит другой знакомый – грустный-грустный. И между ними происходит следующий разговор:

– Почему ты такой мрачный?

– А почему ты такой веселый?

– Так у меня-то работа повеселее твоей.

При этом первый, тот, что веселый-веселый, – прозектор-патологоанатом Коля Ставицкий. А который грустный-грустный – клоун Вячеслав Полунин.

Весеннее настроение

Гуляем с Динькой по Александровскому парку. Важничаю, из себя заправского экскурсовода строю:

– Посмотри направо. Сирень расцвела, тюльпанчики красненькие – красота какая, а это дерево – каштан – свечками, точно на Новый год, украсилось. Это каменный грот, здесь фотографироваться можно, а это черемуха-красавица распустилась. Запах от нее... Вот там впереди Петропавловская крепость, тут акация расцветает, а это – мечеть. Видишь?

– Ага, – вдруг оживляется дочка. – Дай, я сама, как гид, попробую экскурсию провести. Вот акация, а это... Мама, смотри, мечеть-то как распустилась!

Баночка

По улице шла женщина изрядно в годах уже, но костюмчик, туфельки, сумочка, прическа, маникюр... из модного журнала, не иначе. Люблю, когда пожилые женщины стильно одеваются. А эта – картинка! Идет, каблучки цок-цок, цок-цок, легкий ветерок ее шелковую юбочку чуть шевелит, заигрывает значит. Аромат французских духов перемешивается с особым запахом элитной парикмахерской. Только что оттуда, а может, из спа-салона, а может...

Каблучки цок-цок, в дизайнерской сумочке дивная мелодия, дамочка достает телефон. У-у-у... смартфон дорогущий. Отвечает кому-то неспешно, грациозно.

Невольно ловлю себя на том, что иду за ней. Цок-цок, цок-цок. Леди подходит к магазину, останавливается возле урны, быстрым, отработанным движением извлекает оттуда пустую банку из-под пива, ставит ее на асфальт и тут же припечатывает роскошной туфлей. Раз! Банка превращается в аккуратный блинчик!

Да, профессионализм не загламуришь.

В тульском парке

В 2003 году город Тула отмечал столетие своего парка, возникшего в давние времена на месте городской свалки. Есть сведения, что приехавший в Тулу в 1918 году в поисках денег на стихотворный сборник Сергей Есенин бывал в тульском парке. Кстати, об этом красноречиво повествуют многочисленные плакаты, расположенные в городе и на подступах к нему: «Полюбил я ваш парк, я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям. Это самое лучшее, что есть в Туле» (С. Есенин).

Есенин действительно приезжал в Тулу вместе с поэтом Сергеем Клычковым.

Друзья-поэты сразу же поселились у владельца небольшого пивного завода Бориса Павицкого, где с успехом и провели недели две. Время от времени, устав от литературных разговоров, они катались за городом. По словам поэта Валерия Ходулина,¹⁴ Есенин лихо управлял тройкой стоя в санях.

Никто не знает, удалось ли в результате Сергею Александровичу получить деньги на книгу, забыл ли он, зачем приезжал, или же благополучно пропил все на обратном пути.

О парке города Тулы поэт Андрей Коровин рассказал совсем другую историю. Вот она. Решила Тула отпраздновать столетний юбилей своего парка. Проводить церемонию был приглашен, как это и водится, любимец публики Леонид Якубович. Тот все выполнил честь по чести, и очень скоро администрация и специально приглашенные гости традиционно отправились бухать. Только – лето, жарко, время летит быстро, вроде утро раннее, четыре часа, а светло и никто не спит. Народ рассредоточился по парку пить пиво под кустами, воздухом дышать. Вскоре и из здания администрации города гости на воздух запросились. Да только занят весь парк – места свободного не отыскать. А как хочется.

– Ничего, ничего, знаю я одно местечко, там ни души, – подбадривает Леонида Якубовича мэр города Николай Тягливый. – Посидим на травке своей компанией, попьем, хорошо ведь.

Действительно, вывел к срубленному деревцу аккурат напротив здания мэрии. Посторонние туда не посмели заявиться, бутылок накидать да от широты душевной и скудости умишка напакостить.

Только душевно устроились, неведомо откуда появляется девица. Сама рыжа да пьяна. И движется причудливыми зигзагами как раз к господину Якубовичу. И, что самое странное, охрана ее вроде как не замечает. То ли нечисть лесная, то ли своя она тут.

– Папа... – девушка проникновенно заглядывает в глаза Леониду Аркадьевичу, делая при этом выразительную паузу.

Якубович лихорадочно вспоминает, как давно он был в Туле и могла бы у него тут оказаться взрослая дочь.

– Папа, на фига вы сперли мою открывалку? – наконец заканчивает фразу девица, отчего ситуация не становится понятнее.

– Какую открывалку? При чем здесь я? – наконец находится Якубович.

– Папа, вы были недавно в Самаре?

– Был.

– С концертом?

– Да.

– Вы жили в номере с белыми мебелью?

¹⁴ Автор приносит свои извинения, так как не имеет понятия, откуда эта информация у Валерия Георгиевича, родившегося в 1937 году. Возможно, он работал с архивом или имел контакт с очевидцами тех событий.

– Жил. А в чем дело?

– Видите ли, папа, – девушка глубоко вздыхает, – после вас в номер въехала я, и когда мы с друзьями сели пить и играть в карты, вдруг выяснилось, что открывалки нет. Я обратилась к горничной, и та сказала, что только что из этого самого номера выехал артист Якубович, которому она выдавала новую открывалку. Так, папа, на фига вы сперли мою открывалку?

– Это местная сумасшедшая? – ошарашенный Якубович с надеждой смотрит на Андрея Коровина.

– Нет, это самая известная в Туле журналистка Таня Мариничева, – отвечает тот.

– Ой, – говорит Якубович, хватаясь за голову.

Немая сцена.

Коврики на конах

На одном из «Росконов» ночью, когда все перепились, делать было решительно нечего. И тогда компания во главе с Димой Казаковым скатала все коридорные коврики в рулоны. И в таком виде они пролежали достаточно долгое время. Все ходили мимо них, никто не обращал внимания. Мол, скатаны и скатаны. Значит, так и должно быть.

А вот в санатории «Подмосковье», где проходил «Басткон 2010» и где я услышала эту историю, все ковры намертво прибиты к полу гвоздями.

Без компромиссов

На первый «Роскон» из Польши ожидался высокий гость – мастер фэнтези Анджей Сапковский в сопровождении переводчика Эугеньюша Дембски. Встречать известного писателя было поручено Ирине Станковой. Поезд пришел без опоздания, народ начал выходить из вагона, мимо Ирины несли тяжелые сумки, носильщики перетаскивали коробки и чемоданы, а пана Анджея все не было. Давно ушел последний встречающий, разбежались по своим делам пассажиры, перрон опустел. И тут в вагоне произошло странное шевеление и на платформу прямо к ногам Ирины вывалился мэтр польской фантастики Анджей Сапковский собственной персоной. За ним на нетвердых ногах, но не теряя собственного достоинства, вышел Дембски, который первым делом направился к упавшему фантасту и зачем-то поправил его недвижимое тело, видимо, сочтя, что тот лежит недостаточно выразительно. После чего Эугеньюш одним изящным отработанным движением поднял на ноги пана Анджея.

Приняв вертикальное положение, Сапковский отряхнулся и, весело взглянув на ошарашено хлопающую глазами Ирину, поинтересовался:

– Ну, где у вас здесь можно попить?

– Вот тут, пан Анджей, прекрасное кафе. Чайку? Кофейку? – вышла из ступора Ирина и тотчас была перебита недовольным фырканьем.

Фыркнув точно породистый кот, Сапковский отвернулся, демонстрируя крайнюю степень раздражения и обиды.

В то же мгновение Дембски с глазами, полными праведного гнева, подошел к Ирине, взял ее за руку и, проникновенно заглядывая в глаза, изрек: «Как вы могли так оскорбить великого польского писателя?! Как вы могли?! Кофе, чай... никогда... ничего, кроме водки!»

Раз – и...

В 2005 году в Киев на очередной конвент приезжал Анджей Сапковский. Слово за слово пан Анджей начал рассказывать о своем тяжелом детстве в голодной послевоенной Польше, где нельзя было выйти из дома без выкидного ножа. Причем нож нужно было наострить, открывая чуть ли не в кармане. Потому что кто-то подходит, а ты раз... и...

Говоря это, Сапковский вдруг вскакивает, осоловело глядя на собрание и ища взглядом, на ком бы показать, как бывает, когда раз... и...

Рискнуть здоровьем согласился Олег Силин. Сапковский выхватил из кармана воображаемый нож и нанес им быстрый отточенный удар пониже живота ассистента.

– Раз – и по яйцам! – пояснил он.

В тот же вечер на огонек зашли Олег Дивов и Светлана Прокопчик, и Сапковскому пришлось показывать свой фокус еще раз. Пан Анджей вытащил в центр комнаты Свету и к восторгам собравшихся, продемонстрировал на ней свой знаменитый удар.

– Раз и по яйцам!

– Но простите, пан Анджей, а как же быть с женщинами? – поинтересовалась Света. – Ведь у женщин нету яиц.

– Ничего, зато там есть артерия, – со знанием дела парировал писатель.

Блуждающий ресторан

В Москве есть один фантастический ресторан, который все время перемещается с места на место, так что если вы вдруг соберетесь посетить его, совершенно не факт, что он будет дожидаться вас там, где вы видели его в последний раз. Это трамвай-ресторан «Аннушка». Каждый день ходит он от памятника Грибоедова, доезжает до Покровки, где поворачивает и возвращается обратно, крутясь по предписанному ему колечку целый день. Но так было не всегда. Не всегда «Аннушка» была спокойным и благовоспитанным рестораном. Московские старожилы помнят его буйную фантастическую молодость, когда странный ресторан путешествовал по всему городу, возникая в самых неожиданных местах или пропадая, точно перемещаясь в другое измерение. Он мог заехать на университет или переместиться в Измайлово. Как карта легла, так и поехал. Поговаривали, что заколдованный ресторан открывает свои двери лишь перед теми, кто не думает искать его, и прячется от преследователей, ни за что не попадаясь на глаза или же обманывая ищущих ложными призраками.

Блажен жаждущий, рядом с которым вдруг открывал свои гостеприимные двери старый трамвай, волею воскресивших его из небытия проживающий свою вторую жизнь в качестве блуждающего ресторана.

И вот в один из дней, когда «Аннушка» еще гуляла по всему городу, точно потерянная после разлитого масла Аннушка Михаила Булгакова, заметили ее писатели Виктор Пелевин и Андрей Саломатов. Да грех было не заметить, когда «Аннушка» притормозила как раз напротив друзей, весело распахнувшись всеми своими дверьми, обнажая крохотные столики и соблазняя милыми сердцу запахами.

Забрались в трамвай Пелевин и Саломатов водку кушать. Начали скромно по 50 граммов, затем скакнули на 150, позже ограничили себя до 100, снова 150 и только после этого 200 граммов.

И так продолжалось до тех пор, пока уже весьма утомившемуся Андрею Саломатову не показалось, будто бы мимо трамвая прошел человек с мечом за спиной. Хороший такой меч, приметный. Саломатов Пелевина локтем толкнул, на неизвестного мечевластителя показывает: мол, глянь, брат, не галлюцинация ли сие?

Узрел ли Пелевин человека с мечом или что-то другое души его коснулось, ангел либо демон, да только вскочил вдруг Виктор Пелевин, с диким криком вылетев из ресторана, прыгнул на колбасу встречного трамвая и с гиканьем умчался в черную ночь.

Иней

Ночью был туман, и сейчас все покрыто тончайшим инеем. Так что даже березки обрели белые иголочки.

Вот и их мечта исполнилась в новогоднюю ночь.

Об известности

На книжной ярмарке в районе метро «Тульская» в Москве вручалась премия «Филигрань». Огромное шумное помещение, куда члены оргкомитета и сами участники притащили столько спиртного, что у многих возникло ощущение, будто данная «Филигрань» вполне может стать последней в их жизни. В этот день фантасты гуляли особенно весело и широко, так что бедные уборщицы – благовоспитанные сотрудницы принимающей высоких гостей ярмарки испуганно жались к стенам в большом банкетном зале, не решаясь хотя бы на секунду выбраться на середину.

– Боже мой, неужели это те самые знаменитые писатели, те известные литераторы, о которых вы рассказывали нам? – с ужасом в голосе осведомилась у менеджера книжной ярмарки самая смелая из аборигенок, продолжая нервно наблюдать за беснующимися литераторами. На что менеджер, человек бывалый, ответила:

– А мы чем пьянее, тем известнее!

Лирическое наступление 1

Как метко заметил Александр Щуплов: «В России «биография» да и вся наша история делается анекдотами». Вот и я записываю события исторической значимости, «события давно минувших дней». Они ведь уже перешагнули грань настоящего, очутились в прошлом и теперь принадлежат ее величеству Истории. Когда-нибудь искусствоведы и историки будут читать эту мою книгу, выискивая в ней события, о которых не сообщит строгая энциклопедия или милая моему сердцу Википедия, но которые от этого не менее значимы и ценны.

И пусть вчерашние хулиганы, раздолбаи и весельчаки вдруг приобретут величественные черты официальных, различной степени крупности и величия исторических персонажей. Кто-то обзаведется с годами радужным нимбом, на чей-то сильно приукрашенный фотошопом портрет будут молиться юные впечатлительные особы. Но для меня важно сохранить их еще такими, какими помнят их и любят современники, по возможности не приукрашивая и не ретушируя.

И неважно, что в книге вместе со мной выстраивается множество других рассказчиков. Одному человеку не потянуть такую махину, не объять необъятного, пусть и очень хочется. Я вписываю в канву рукописи персонажа, а он вместо того, чтобы спокойненько занимать отведенную ему нишу, вдруг ни с того ни с сего начинает производить различные действия, махать руками и ногами, травить анекдоты, выдавая их затем за события, имеющие место быть в реальности. Иногда я ловлю их на полуслове, порой узнаю от других людей, что на самом деле все было совсем не так... И тогда я спорю со своими персонажами, звоню им по телефону, договариваюсь о встрече, снова записываю одну и ту же историю на диктофон и... А кто, собственно, сказал, что официально принятая версия априори единственно правильная?

И снова нелегкий выбор, ошибки и попытки их исправления. Да простит меня многострадальная Клио... У того же Щуплова в «Российской газете»: «Мы наш, мы новый миф построим». Может, и миф, может, и странную, местами страшную, а местами заразительно смешную и наивную сказку. Главное, чтобы Мнемозина не подвела, чтобы соткавшийся вдруг из воздуха Станиславский не прокричал своё знаменитое: «Не верю!». Чтобы не сбили, не сразили на полуслове всезнающие скептики.

Итак, мы продолжаем...

После бала

Первый «Роскон». 2001 год, дом отдыха «Боровое» в шестидесяти километрах от Москвы.

– Поскольку наша фантастическая публика и пьет фантастически, – вольготно расположившись в кресле, делится впечатлениями Дмитрий Володихин, – организаторы конвента утром после первой ночи, не сговариваясь друг с другом, прошли по коридорам примерно с одной и той же целью... – голос Володихина при этом делается чуть глуше, словно он собирается поделиться тайной. Я невольно наклоняюсь к нему, боясь упустить интригу.

– Иду я по вестибюлю и вижу, что Эдуард Геворкян проходит вдоль рядов кресел и иных посадочных мест, внимательно приглядывается к углам, лавкам, заглядывает за кадки с пальмами и даже портьеры.

– Эдуард Вачаганович, случилось что-нибудь? Что-нибудь ищите?

– Да вот, смотрю, не завалился ли куда-нибудь мертвец.

Грустное

Несколько раз приходила на день рождения к Б., а он пьяный спал в своем углу.
Пила чай с женой Б., оставляла подарки, уходила. И так раз за разом, и так год за годом.

Кто печет блины

...А ведь я вспомнила эту пожилую даму с пивной банкой! Правда, в нашу первую встречу она была в ватнике и не благоухала дорогой парфюмерией, не цокала каблучками и не помахивала дизайнерской сумочкой. Наоборот, она с мрачным видом бродила по газонам вдоль девятиэтажного дома на Гражданском проспекте, тыча в землю лыжной палкой. Бумажки собирала, фантики всякие, сорванные рекламные объявления, и вдруг...

– Ой! – сказала старушка, подняла свою палку с нанизанными на нее, точно входные билеты в какой-нибудь допотопный кинотеатр, бумажками и, немного потрудившись, сняла грязный, пробитый посередине доллар. – Петровна, погляди-ка, чего это? Никак валюта?

На зов к счастливнице немедленно двинулись горбатая поделница с сизым носом и одутловатым лицом испытанной пьянчуги и молодой обкуроч, меланхолично тыкающий своей палкой под окнами дома.

– А куда ж его теперь? Один-то, наверное, не поменяют? Побрезгуют, – заволновалась старушка, демонстрируя поживу.

– А ты поблизости поищи, деньги, они компанию любят. Небось рядом еще насыпано.

Все трое усталились в землю, словно под чахлой прошлогодней травой могли притаиться сокровища.

И тут точно из-под земли перед компанией возник милиционер.

– Ну, что у вас там? Доллар, – он заграбастал грязную бумажку, бережно разгладив ее на ладони.

– Ну ты у бабки взял, не побрезговал, – вступилась за подругу пьяница.

– Действительно, дядя, ты бы отдал деньги бабушке. Не от хорошей жизни она здесь.

Милиционер подул на доллар, затем аккуратно свернул и уже хотел положить себе в карман, как вдруг...

– Ой! – сказала бабка, взмахнув руками, и с силой вбила заточенное острие палки в ногу обидчика.

– Ааа... – завыл от боли блюстителю порядка, теряя добычу.

Подхватив доллар, троица заковыляла во двор, то и дело оглядываясь на злобно матерившегося им вслед милиционера.

Молодцы!

Есть такое выражение: «богатство к богатству», а может, они правы и деньги действительно любят компанию. Хочется верить, что мент в тот день не поймал бабку и она, вернувшись на место преступления (говорят же, что преступников неизменно тянет на место преступления), нашла там целый сундук денег. Но это уже домыслы...

Может, конечно, это и не та бабка, а просто похожая. Но только если бы та, гламурная, никогда не жила в нищете, откуда тогда столь профессионально отточенное движение? Это ведь не каждый сможет – с одного удара из пивной банки блинчик сделать!

Парк Юрского периода

– Не могу я есть этих шоколадных зайчиков, мишек, лисичек! – беспомощно отталкиваю от себя вазочку со сладостями. – Сто раз говорила, с души воротит!

– Ладно, – мама пожимает плечами. – Диньке без разницы – хоть Снегурочку, хоть шоколадного Путина. Все схочмячит.

По глазам вижу – не обиделась ни капли. Ну и ладно. Еще не хватало из-за ерунды поругаться.

На следующий день сажусь обедать и вижу – на тарелочке с голубой каемочкой целый рассадник монстров обосновался. Шоколадные уродцы с клыками, когтями, рогами. Парк Юрского периода! Динозавры, птеродактили, звери невиданные. Уничтожай – не хочу!

А ведь и вправду таких гадов кусать вовсе не жалко, только страшно уж очень. Придется отдать тем, у кого нервы покрепче.

Правило левой руки

— А вы тигра гладили? Какой он на ощупь? — спрашиваю я Бориса Федоровича Сергеева. В свете начала сбора текстов на «кошачий» сборник «Котэрра» вопрос отнюдь не праздный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.